

НАСЛЕДНИКИ КАТАСТРОФЫ

Те, кто смотрят

СВОБОДА
НАЧИНАЕТСЯ
ТАМ, ГДЕ
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ЛОЖЬ

СЕКТОР
9

1500
ЧЕЛОВЕК
ВСЕГДА

ЗДЕСЬ
НАЧИНАЕТСЯ
ДРУГОЙ МИР

Артур Шкутов

**Наследники катастрофы.
Те, кто смотрят**

«Автор»

2026

Шкутов А.

Наследники катастрофы. Те, кто смотрят / А. Шкутов —
«Автор», 2026

Система не ошибается. Под землёй живут ровно полторы тысячи человек. Ни одним больше. Здесь всё под контролем: еда, работа, рождение, смерть и даже правда. Поверхность считается смертельно опасной, а решения Совета не принято ставить под сомнение. Четырнадцатилетняя Лиза тоже должна была верить. Но старые чертежи, тайна её родителей и закрытый девятый уровень приводят её к открытию: людям лгали много лет. Земля не мертва. На поверхности можно жить. И там уже есть другие люди. Вместе с Максимом, сыном одного из членов Совета, Лиза покидает единственный знакомый ей мир. Но за пределами бункера их ждёт не обещанная свобода, а новая реальность — опасная, непредсказуемая и хранящая тайны куда страшнее лжи Совета. Ведь выйти из бункера — ещё не значит спастись.

© Шкутов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Артур Шкутов

Наследники катастрофы. Те, кто смотрят

Оглавление

Пролог	
Глава 1. Город под землей.....	
Глава 2. Шестой уровень.....	
Глава 3. Чертежи.....	
Глава 4. Спуск	
Глава 5. Максим	
Глава 6. Фиолетовый уровень	
Глава 7. Лаборатория	
Глава 8. Тайна совета	
Глава 9. Цена правды	
Глава 10. План	
Глава 11. Назад пути нет	
Глава 12. Мир, которого они не знали	
Глава 13. Вода и тишина	
Глава 14. Охота	
Глава 15. Люди на поверхности	
Глава 16. История Артема	
Глава 17. Люди поселения	
Глава 18. Охотник	
Глава 19. Человек, который видел поверхность	
Глава 20. Поселение живых	
Глава 21. Праздник поселения	
Глава 22. Тени из бункера	
Глава 23. Сломанный мост	
Глава 24. Край темной зоны	
Глава 25. Мир без доверия	
Глава 26. Рынок	
Глава 27. Вепрь	
Глава 28. Цена карт	
Глава 29. Выбор	
Глава 30. По следу	
Глава 31. Старая станция	
Глава 32. Решение Анны	
Глава 33. Цена	
Глава 34. После боя	
Глава 35. Следы на севере	
Глава 36. Темная зона	
Глава 37. Те, кто смотрят	
Глава 38. Первое изменение	
Глава 39. Сдвиг	
Глава 40. Контроль	

Глава 41. Между словами
Глава 42. Сломанные
Глава 43. Линии
Глава 44. Завод
Глава 45. Записи
Глава 46. Осознание
Глава 47. Почти
Глава 48. Трещина
Глава 49. След
Глава 50. Глубже
Глава 51. Сомнения
Глава 52. Граница
Глава 53. Слишком рано
Глава 54. По ту сторону
Глава 55. Выбор
Глава 56. После
Эпилог

Пролог

Система не ошибается.

Этому учат с детства, это повторяют, когда становится страшно, это произносят вслух, чтобы не думать.

Полторы тысячи человек. Ни больше ни меньше. Если становится больше — кто-то лишний, если меньше — система исправит. Она всегда исправляет. Так было вчера, так будет завтра, и так должно быть.

В тот день родился ребёнок, ничего необычного. Но система поставила жестокий выбор, на кону стояла жизнь матери либо жизнь её дитя. Такие случаи уже были.

Так показали расчёты. Так решили протоколы. Так было правильно.

Она выбрала, одного человека, маленькую девочку с которой всё и начнется.

Система приняла решение. Число снова стало правильным. Полторы тысячи.

Впервые за всё время существования системы появилась «ошибка», но ошибка была не в цифрах, а в том самом маленьком человеке, который будет смотреть дальше той самой жестокой и одновременно безопасной системы.

Глава 1

Город под землёй

Сирена означала начало нового дня и звучала ежедневно ровно в 6 утра. Такого же дня, как вчера и почти такого же, как сотни дней до него. Глухой, протяжный звук прокатился по бункеру и впитался в стены, в коридоры, в комнаты, в чужие сны. Здесь к нему привыкли давно, как привыкали ко всему, без чего нельзя выжить.

Лиза открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, глядя в потолок. Металлические панели отражали холодный свет ламп. В бункере не было настоящей темноты: ночью освещение лишь слабело, но не исчезало совсем. Даже сон здесь не принадлежал человеку полностью. Всё было под контролем — воздух, вода, еда, время, сама жизнь.

Она медленно села на кровать. Сонливости почти не было; только привычная собранность, которую в бункере дети усваивали слишком рано. Лизе было четырнадцать: невысокая, худощавая, с резкими точными движениями, она смотрелась старше своих лет. Тёмно-русые волосы были собраны в короткий хвост, хотя несколько прядей всё равно падали на лоб. Серозелёные глаза смотрели внимательно, слишком внимательно для её возраста.

Доктор Сергеев однажды сказал ей: «-У тебя слишком наблюдательный взгляд для четырнадцати лет.» - Сказал спокойно, почти буднично, но Лиза сразу поняла: это не комплимент, а предупреждение.

Она действительно замечала больше, чем другие: сломанную лампу, новый замок на двери или ложь в чужом голосе- слова, которые люди старались спрятать за ровной интонацией. Иногда ей хотелось видеть меньше...

Лиза умылась холодной водой, прогоняя остатки сна, и привычным движением коснулась кулона на шее. Под воротником формы на тонкой цепочке висел небольшой металлический диск с пересекающимися линиями. Она всегда касалась его, когда внутри поднималось напряжение.

Кулон был единственной вещью, оставшейся от родителей. И напоминанием о дне, который с самого начала был связан со смертью...

«Четырнадцать лет назад в бункере действовал главный закон: внутри могли жить ровно полторы тысячи человек. Ни больше и ни меньше. Запасы были рассчитаны точно, а система не терпела лишнего. Если родился ребёнок, кто-то должен был умереть.

Когда у матери Лизы начались роды, она как раз была тысяча пятисотым человеком. Если ребёнок выживал, число становилось другим и это значило, что кто-то должен освободить место.

Сергеев знал это. Мать Лизы — тоже.

Роды были тяжёлыми. Когда ребёнок закричал, стало ясно, что времени почти не осталось и спасти удастся только одного. Мать теряла сознание, но всё же прошептала:

— Спасите... её.

— Вы уверены? — спросил Сергеев, хотя уже знал ответ.

Она кивнула, сняла с шеи кулон и с трудом вложила его ему в руку.

— Это... от её отца... передайте... когда вырастет...

Потом указала взглядом на сумку возле кровати.

— Там... чертежи... скажите ей... правду...

Через несколько минут её сердце остановилось. В бункере снова стало полторы тысячи человек. Система была восстановлена. Лиза осталась сиротой, а доктор Сергеев вырастил её.»

Она спрятала кулон под воротник и вышла в коридор.

Люди двигались по туннелю быстро и молча, как двигались всегда. Каждый знал своё место, у каждого была своя функция. Бункер не терпел лишнего — ни слов, ни жестов, ни сомнений.

Бункер имел 10 уровней и каждый из уровней имел своё назначение и цвет: белый-совет, чёрный-охрана, синий-инженеры, жёлтый-производство, красный-медицина, серый-жилые сектора, зелёный-фермы, оранжевый-склады, фиолетовый-закрытый сектор, тёмно-синий — реактор.

Лиза остановилась у лестницы и посмотрела вниз. Там виднелся девятый уровень, фиолетовый сектор о котором не принято было говорить.

— Опять смотришь вниз?

Максим подошёл почти неслышно, как умел только он. Он был выше, старше, внимательнее и, хотя происходил из семей Совета, совсем не походил на остальных.

Лиза слегка вздрогнула и с укором посмотрела на Максима:
— Ты меня напугал, зачем так подкрадываться?
— Я просто так хожу, — ответил он и встал рядом.
Некоторое время они молча смотрели вниз.
— Люди туда не смотрят, — с легкой ухмылкой сказал Максим.
— Почему?
— Потому что туда лучше не лезть.
Лиза чуть прищурилась.
— Значит, именно там и скрывают что-то важное.
Максим не улыбнулся.
— Сегодня ночью сектор закрыли и туда отправили охрану.
Она нахмурилась.
— Там всегда что-нибудь закрывают.
— Ночью было всё ни так, — сказал он. — И вчера там был Сергеев.
Лиза замерла. Пальцы сами собой нашли кулон под воротником и сжали его.
— Его могли вызвать.
— Могли. Но это не походило на обычный вызов.
Она снова посмотрела вниз. Девятый уровень скрывался в полумраке, как будто сам не хотел быть увиденным.
Кулон. Чертежи. Последние слова матери.
Слишком много для совпадения.
Внутри медленно поднималось холодное чувство, и впервые за долгое время Лизе стало по-настоящему страшно.

Глава 2

Шестой уровень

Шум столовой был слышен ещё из коридора. Гул голосов, звон металлической посуды и запах горячей еды сливались в привычный утренний фон, к которому в бункере давно привыкли. Каждый день жители шестого уровня собирались здесь перед работой и учёбой, и обычно это место было просто частью рутины. Но сегодня в этом шуме ощущалось что-то лишнее — едва заметное, но настойчивое напряжение.

Столовая была огромной: длинные металлические столы тянулись рядами, у стены тянулась линия раздачи, а лампы под потолком били ровными лучами холодного света, от которого всё вокруг казалось ещё более серым. Взяв поднос, Лиза встала в очередь и машинально начала отмечать привычные детали — лица, движения, еду, чужие взгляды.

Завтрак был самым обычным: густая каша из фермерских культур, кусок хлеба и тёплый напиток, который здесь называли чаем, хотя он мало напоминал настоящий. Всё было, как всегда, только воспринималось иначе.

Лиза села за стол у стены, а уже через минуту напротив уселся Максим. Он поставил поднос, мельком посмотрел на неё и почти сразу понял, что с ней что-то не так.

— Ты сегодня какая-то тихая... — сказал он многозначительно посмотрев на девушку.

— Думаю. — коротко ответила Лиза.

— А это уже опасно. — слегка усмехнувшись бросил Максим.

Лиза подняла на него взгляд и прищурила глаза.

— Что именно?

— Слишком много думать вредно.

На её лице скользнула короткая усмешка.

— То есть ты себе вообще не вредишь? — ехидно подытожила девушка.

Максим тоже едва заметно улыбнулся, но быстро посерьёзnel. Он наблюдал за Лизой уже давно и чаще, чем хотел бы себе признаться. Замечал, как она морщит лоб, когда о чём-то догадывается, как убирает волосы с лица, когда нервничает, как слушает людей — слишком внимательно, будто слышит больше, чем они говорят.

Иногда ему казалось, что Лиза видит этот мир не так, как остальные и именно это притягивало его сильнее всего. Но вслух он об этом не говорил.

Потому что Максим был одним из детей Совета, а Лиза — обычной жительницей шестого уровня. Такие вещи редко заканчивались хорошо.

— Ты всё ещё думаешь о девятом уровне? — спросил он.

Лиза кивнула.

— Да, и о Сергееве.

Максим сразу напрягся.

— Он вчера не возвращался?

— Нет.

Пальцы Лизы почти незаметно коснулись кулона под воротником, но Максим заметил это движение.

— Он для тебя как отец, да? — спросил он тише.

— Да. — Она ответила спокойно, но тревога всё равно проступила в голосе.

Максим нахмурился, это действительно было странно ведь Сергеев редко исчезал надолго и тем более не пропадал без объяснений.

— Может, просто работает, — сказал он.

— Может. — Но сама Лиза в это не верила.

Некоторое время они ели молча. Вокруг по-прежнему шумела столовая, только теперь этот шум уже не казался нейтральным. Люди говорили чуть громче обычного, чаще оборачивались, словно сами чувствовали, что в бункере что-то сдвинулось.

— Лиза!

К их столу подошёл Андрей — высокий парень лет шестнадцати, живший на том же уровне. Он всегда говорил громче остальных, будто старался этим перекрыть собственное напряжение.

— Вы слышали? — спросил он, садясь рядом.

— Что? — отозвалась Лиза и подняла взгляд на парня.

— Охрана перекрыла часть лестницы.

Максим сразу насторожился.

— Где?

— Между седьмым и восьмым уровнями.

Лиза и Максим переглянулись.

Седьмой уровень — фермы.

Восьмой — склады.

Ниже начиналось то, куда обычных жителей не пускали.

— Говорят, ночью там была тревога, — продолжил Андрей.

— Какая? — спросила Лиза.

— Никто не знает.

Максим нахмурился. Это уже слишком походило на цепочку, а не на случайность. Сначала девятый уровень, потом перекрытая лестница, теперь ещё и слухи о ночной тревоге.

— Совет что-нибудь сказал? — спросила Лиза.

Андрей усмехнулся, но без веселья.

— Совет никогда ничего не говорит.

Он быстро доел кашу, поднялся и кивнул им на прощание.

— Ладно, мне пора.

Когда он ушёл, Лиза ещё несколько секунд смотрела ему вслед.

— Всё это не похоже на обычный день, — сказала она.

Максим кивнул.

— Похоже, что-то началось.

— Или что-то уже давно идёт, а мы только сейчас заметили.

Он посмотрел на неё внимательнее. Эта мысль ему не понравилась, потому что звучала слишком правдоподобно.

В столовой прозвучал короткий сигнал. Люди начали вставать из-за столов, задвигать скамьи, уносить подносы. Утренний шум быстро сменился привычным организованным движением.

Лиза тоже поднялась. Максим встал следом.

— После уроков я хочу спуститься на пятый уровень, — сказала она. — К Сергееву.

— Я пойду с тобой.

— Зачем? — Она удивлённо посмотрела на него.

Максим пожал плечами, будто сам не придавал этому значения.

— Не знаю.

Но он знал, он просто не хотел, чтобы она шла одна.

Они вышли из столовой вместе с остальными. Поток людей снова двигался по уровням бункера так, будто ничего не изменилось. Всё шло по расписанию, всё работало, всё держалось на знакомом порядке.

Лиза шла впереди, Максим на секунду задержался и посмотрел ей вслед. И снова поймал себя на мысли, которую старательно избегал уже давно.

Он боялся. Не за себя. За неё.

И почему-то всё сильнее чувствовал, что происходящее в бункере связано с Лизой куда сильнее, чем кажется сейчас.

Он ещё не знал, насколько окажется прав.

Глава 3

Чертежи

Уроки в этот день тянулись мучительно медленно. Лиза почти не слушала учителя: она ловила не слова, а паузы между ними, шум вентиляции, гул бункера за стенами, всё то, что обычно оставалось фоном. Мысли снова и снова возвращались к одному и тому же — к доктору Сергееву, к девятому уровню, к тревоге, которая появилась утром и так никуда и не ушла. У неё было странное чувство, будто ответ уже где-то рядом, но она пока не может до него дотянуться.

Когда прозвучал сигнал окончания занятий, Лиза поднялась слишком быстро, словно боялась, что если задержится ещё на минуту, то сама себя остановит.

— Ты куда так спешишь? — спросил Максим. Он уже догадывался, но хотел услышать это от неё.

— На пятый уровень.

— К Сергееву?

Лиза кивнула и Максим поднялся следом.

— Я обещал пойти с тобой. — Теперь это прозвучало не как напоминание, а как решение.

Они вышли в коридор вместе с остальными учениками. Поток людей двигался к лестнице, соединяющей уровни бункера, и всё вокруг по-прежнему выглядело привычно: те же шаги, те же лица, тот же размеренный порядок. Но чем ниже они спускались, тем сильнее менялся воздух — это ощущалось не только по запаху, а по самому дыханию. На шестом уровне

пахло металлом, едой и влажными стенами. На пятом — лекарствами, антисептиком и чем-то ещё, от чего всё вокруг казалось слишком чистым и слишком холодным.

— Здесь всегда не по себе, — сказал Максим, оглядывая длинный коридор.

— Так нужно для оборудования, — холодно ответила Лиза.

Она знала этот уровень почти с детства, но сегодня он казался другим. Медицинский сектор тянулся строгими коридорами, за дверями скрывались палаты и лаборатории, а люди в красных нашивках проходили мимо быстро и молча, толкая тележки с инструментами и препаратами. Никто не задерживался, никто не смотрел по сторонам. Либо были слишком заняты, либо слишком хорошо знали, когда и куда лучше не вмешиваться.

Лиза остановилась у знакомой двери. На табличке было написано:

Главный врач

Константин Владимирович Сергеев

Она замерла на секунду. Раньше эта дверь означала безопасность. Теперь — ответы, которых она одновременно ждала и боялась. Лиза постучала.

— Войдите, — раздался знакомый голос.

Она открыла дверь. Доктор Сергеев сидел за столом и просматривал бумаги. Когда он поднял голову, на его лице мелькнуло удивление — лёгкое, почти мгновенное, — и что-то ещё, что он тут же попытался скрыть.

— Лиза? Я как раз думал о тебе.

Он перевёл взгляд на Максима.

— И ты здесь.

— Здравствуйте, Константин Владимирович, — сказал Максим.

Сергеев некоторое время молча смотрел на них — дольше обычного, будто решал, имеет ли право говорить то, что должен сказать. Потом медленно вздохнул.

— Похоже, время всё-таки пришло.

Лиза нахмурилась.

— Какое время?

Доктор не ответил сразу. Он поднялся, подошёл к металлическому шкафу у стены и достал старую папку — толстую, потемневшую от времени, с краями, которые давно потеряли аккуратность. Его движения были спокойными, но слишком медленными, словно он не хотел торопить то, что уже всё равно нельзя остановить.

Лиза сразу поняла, что это. Сердце сбилось на миг.

— Это...

— Те самые чертежи, — сказал Сергеев.

Он положил папку на стол и раскрыл её. Внутри лежали десятки листов — схемы, карты, расчёты, какие-то пометки, сделанные чужой рукой много лет назад.

Максим наклонился ближе.

— Это план бункера? — Максим внимательно смотрел на чертежи округлившимися глазами.

— Полный чертёж, — ответил Сергеев.

Он развернул один из листов. На нём были показаны все уровни, туннели, технические проходы и скрытые коридоры — даже те, о которых большинство жителей никогда не слышали. Лиза смотрела на схему, не отрываясь. Деталей было слишком много. Слишком много того, чего она никогда прежде не видела и даже не представляла.

— Откуда они у вас?

Доктор помолчал, затем сказал:

— Их передала мне твоя мать.

Лиза подняла на него глаза.

— Мама?

Сергеев кивнул.

— Когда у неё начались роды, она уже понимала, её время на исходе.

В комнате стало очень тихо. Даже ровный шум вентиляции за стеной теперь звучал громче обычного.

— Перед тем как потерять сознание, она передала мне эту папку, — продолжил он. — И рассказала о твоём отце.

Максим молчал, внимательно слушая. Он пытался понять, где заканчивается чужая семейная тайна и начинается то, что может перевернуть весь бункер.

— Твой отец был учёным, — сказал Сергеев. — Но занимался не только тем, что было положено по инструкции. Он изучал поверхность: уровень радиации, состав воздуха, температуру, восстановление среды. Сначала это были обычные отчёты. Потом в данных начали появляться отклонения — слишком устойчивые, чтобы считать их ошибкой.

Максим нахмурился.

— Но Совет говорит, что поверхность полностью заражена.

— Совет говорит то, что считает нужным, — спокойно ответил Сергеев.

Он взял один из листов и посмотрел на Лизу.

— Твой отец много лет изучал уровень радиации. И был уверен в одном.

— В чём? — спросила она.

Доктор встретился с ней взглядом.

— В том, что Земля уже давно снова пригодна для жизни.

Слова прозвучали так просто, что от этого стали ещё страшнее.

— Он не остановился на догадке, — продолжил Сергеев. — Начал проверять то, что не входило в его прямые задачи, искал подтверждения и в конце концов нашёл их. На поверхности уже была жизнь, не такая, как раньше, не везде, но достаточно устойчивая, чтобы это можно было и дальше игнорировать.

Он говорил ровно, почти по врачебному точно, и от этого смысл становился только тяжелей.

— Он фиксировал микроорганизмы, устойчивые растения, первые признаки восстановления экосистемы. Земля не была мёртвой она уже возвращалась.

Максим резко выпрямился.

— Как это вообще возможно? — Для него это было не просто открытие. Эти слова рушили всё, чему его учили с детства. Он был в полнейшем замешательстве.

— Не такой, как прежде, — сказал Сергеев. — Не идеальной, но достаточно безопасной, чтобы человек мог там выжить.

Он положил лист обратно на стол. Лиза молчала не потому, что не было слов, а потому, что их вдруг стало слишком много. Мысли сталкивались, не складываясь во что-то цельное. Пальцы сами собой нашли кулон на шее — тот самый, который она носила всю жизнь.

Максим первым нарушил молчание:

— Тогда почему люди до сих пор живут в бункере?

Сергеев на секунду отвёл взгляд.

— Потому что, если люди узнают, что снаружи уже есть жизнь, они перестанут бояться. Он замолчал, и Лиза увидела, как трудно ему даётся продолжение.

— А если это случится, — сказал он уже тише, — всё, во что верят люди здесь, начнёт рушиться.

Он подвинул папку к ней.

Лиза осторожно взяла папку. Кулон тихо звякнул о край стола, и этот звук показался ей слишком громким.

В этот момент она впервые ясно почувствовала: назад дороги уже нет.

— Почему вы отдаёте это мне именно сейчас? — спросила она.

Доктор посмотрел на дверь, потом на них и только после этого ответил:

— Потому что этой ночью Совет начал закрывать нижние уровни.

Максим и Лиза переглянулись. Внутри всё сжалось.

— И я думаю, — продолжил Сергеев, — что они тоже что-то ищут.

Тишина снова заполнила кабинет, но теперь в ней была уже не только тяжесть, а опасность.

Сергеев наклонился ближе и сказал почти шёпотом:

— Если твой отец был прав, то правда может оказаться опаснее радиации снаружи.

Глава 4

Спуск

Лиза и Максим вышли из кабинета доктора Сергеева молча. Коридор пятого уровня выглядел как обычно: врачи спешили по своим делам, металлические двери открывались и закрывались, тележки с инструментами тихо гремели по полу. Всё оставалось на месте, всё работало, всё подчинялось знакомому порядку.

Но для Лизы этот порядок уже треснул.

Она крепко держала папку с чертежами, будто её могли отнять в любую секунду. Теперь Лиза знала то, чего не знали почти все жители бункера: её отец изучал поверхность и был уверен, что Земля уже давно пригодна для жизни. Эти листы были не просто схемами и расчётами. Это были доказательства того, что мир снаружи не пустой. Что там уже есть жизнь.

И от этого не становилось легче.

Мысль не укладывалась в голову. Она была слишком большой, слишком опасной и слишком живой, чтобы от неё можно было просто отмахнуться. Лиза сжала папку сильнее. Её всегда пугало не то, что за ней могут следить. Хуже было другое — ощущение, что это уже происходит, а она даже не замечает. Что кто-то заранее знает, куда она пойдёт, что спросит и чего испугается. Что её жизнь давно разложена по уровням, правилам и чужим решениям, как схема на одном из этих чертежей. Именно поэтому папка в её руках казалась не бумагой, а трещиной в системе.

Максим шёл рядом, время от времени оглядываясь.

— Нам нужно быть осторожными, — сказал он.

Лиза посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что если Совет ищет эти чертежи...

Он не договорил да это и не было нужно. Лиза и так всё понимала.

Они дошли до большой лестницы, соединяющей уровни бункера. Люди спускались вниз, на шестой уровень. Всё шло по расписанию, как всегда, и со стороны можно было подумать, что ничего не изменилось.

Но Лиза остановилась. Максим сразу это заметил.

— Что?

Она смотрела вниз, туда, где начинались нижние уровни. Глубоко под ними скрывался девятый — фиолетовый сектор.

— Ты снова думаешь об этом? — спросил он.

— Да.

Он напрягся.

— Лиза...

Она повернулась к нему. Во взгляде уже не было колебаний, только то упрямое спокойствие, которое он знал слишком хорошо.

— Доктор сказал, что Совет начал закрывать нижние уровни. Значит, там что-то происходит.

Максим нахмурился.

— И что ты предлагаешь?

Лиза раскрыла папку. На одной из схем была подробная карта бункера. Она быстро нашла лестницу, у которой они стояли, и провела пальцем вниз — седьмой уровень, восьмой, потом ещё ниже.

— Здесь есть технические коридоры, — сказала она.

Максим наклонился ближе.

— Вижу.

— Некоторые не отмечены на обычных картах.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты предлагаешь спуститься туда?

Лиза закрыла папку.

— Я предлагаю хотя бы посмотреть.

Несколько секунд Максим молчал. Он прекрасно понимал, что это плохая идея. Очень плохая. Он вырос среди людей, которые всегда говорили о порядке, правильных решениях и ответственности. С детства слышал, что не всем нужно знать лишнее, что систему нельзя раскачивать, что иногда правду лучше спрятать ради общего блага. И больше всего на свете он боялся однажды обнаружить, что начинает думать так же.

Холодно. Удобно. Без сомнений.

Он посмотрел на Лизу и вдруг понял, что рядом с ней не может быть таким. Она всё время заставляла его выбирать — не между удобным и опасным, а между живым и мёртвым внутри себя.

— Ладно, — сказал он наконец. — Но, если станет опасно, мы сразу возвращаемся.

Лиза кивнула.

Они начали спускаться по лестнице.

Шестой уровень остался позади. На седьмом воздух стал влажнее. Здесь располагались фермы: через открытые двери виднелись ряды растений под яркими лампами, а рабочие в зелёной форме ухаживали за культурами. Всё выглядело спокойно, почти мирно — слишком мирно на фоне того, что теперь знали только они.

Лиза и Максим быстро прошли дальше.

Восьмой уровень встретил их тишиной. Оранжевые полосы на стенах обозначали складской сектор. Здесь хранились запасы еды, оборудования и инструментов, и людей было заметно меньше.

Когда они подошли к лестнице, ведущей ниже, Максим резко остановился.

— Смотри. — показывая вперед Максим остановил своей рукой Лизу.

У прохода стояли два охранника в чёрной форме. Они разговаривали между собой, но их взгляды постоянно возвращались к лестнице. Они не просто дежурили- они ждали.

— Значит, доктор был прав, — тихо сказала Лиза.

Максим сжал губы.

— Они никого не пропускают.

Лиза снова открыла папку. Теперь её движения стали быстрыми и точными: она уже не просто читала схему, а держалась за неё как за единственное, что всё ещё подчиняется логике.

— Есть другой путь.

— Где?

Она показала на тонкую линию.

— Технический туннель. Он начинается где-то здесь.

Максим посмотрел на стену рядом. Десятки одинаковых металлических панелей тянулись вдоль прохода.

— И как мы его найдём?

Лиза ещё раз сверилась со схемой, потом подошла к одной из панелей и провела рукой по её краю.

— Здесь.

Максим присмотрелся. Эта панель действительно чуть отличалась от остальных, и Лиза надавила на неё. Раздался тихий щелчок затем панель медленно ушла в сторону.

За ней открылся узкий тёмный проход. Оттуда тянуло холодным воздухом — не тем привычным холодом бункера, к которому они давно привыкли, а другим, более глубоким, как будто из места, где давно никто не бывал.

Максим посмотрел на Лизу.

— Ты понимаешь, что мы сейчас делаем?

Лиза едва заметно улыбнулась. Не от радости. Скорее от того странного чувства, которое появлялось у неё всякий раз, когда страх переставал быть главным. Она не боялась тесных коридоров или темноты — иначе не выжила бы в бункере. Но её по-настоящему пугала жизнь, в которой всё решено заранее и даже вопросы задавать нельзя. И сейчас, глядя в этот проход, Лиза чувствовала не только тревогу.

Она чувствовала сопротивление.

— Да.

— Мы лезем туда, куда нам нельзя. — Максим тяжело выдохнул, но отступить уже не собирался.

Может быть, именно сейчас для него всё решалось так же ясно, как для неё. Он мог вернуться наверх, к знакомому порядку, к людям, которые всегда объясняли, как правильно, а мог сделать вид, что ничего не видел и остаться сыном Совета, но тогда ему пришлось бы жить с этим. И с собой.

Тогда он ещё раз посмотрел в темноту прохода, потом на Лизу.

— Только после тебя.

Лиза шагнула внутрь.

Металлическая панель тихо закрылась за ними и в этот момент всё изменилось окончательно.

Впервые за много лет двое подростков из бункера начали спуск туда, куда обычным людям было запрещено ходить, — прямо к тайнам девятого уровня, а где-то наверху доктор Сергеев, возможно, уже понимал, что снова сделал выбор, который не даст ему покоя. Он слишком хорошо знал: самое страшное начинается не тогда, когда человек узнаёт правду, а тогда, когда после этого уже невозможно жить по-старому.

Глава 5

Максим

Туннель был узким и тёмным. Лиза шла впереди, освещая путь маленьким фонарём, снятым у входа в технический проход, а Максим двигался следом, стараясь не задевать трубы вдоль стен. Металл тихо звенел под их шагами, и этот звук в тишине казался слишком громким.

Некоторое время они шли молча, но мысли Максима были далеко отсюда и сам он до конца не понимал, почему согласился на всё это: на спуск в закрытые уровни, на нарушение правил, на обман охраны. Если Совет узнает, последствия будут серьёзными ведь его с детства учили, что такие вещи не прощаются. Он слышал историю об одном учёном — официально тот погиб во время аварии, но иногда взрослые говорили об этом иначе, почти шёпотом. Говорили, что он нашёл то, чего не должен был находить.

И всё же Максим шёл, шёл за Лизой. Теперь это уже не было просто догадкой или случайным порывом ведь если её отец был прав, значит снаружи действительно есть жизнь. А если так, то всё, во что Максима заставляли верить с детства, рушилось прямо у него внутри.

Максим родился на первом уровне — белом. Там находился Совет. Для большинства жителей бункера этот уровень был почти легендой, местом, куда обычные люди никогда не поднимались. Но для него это был дом. Его семья входила в число пятнадцати семей основателей бункера — тех, кто ещё до катастрофы участвовал в строительстве убежища. Теперь их потомки управляли всем. Совет состоял из пятнадцати человек, по одному представителю от каждой семьи. Отец Максима был одним из них.

Он был строгим, спокойным и холодным человеком. Максим редко видел, чтобы отец улыбался, и с самого детства слышал одно и то же:

— Ты должен помнить, кто ты.

— Ты — часть Совета.

— Однажды ты займёшь место нашей семьи.

Но Максим никогда не чувствовал себя частью этого мира.

На первом уровне всё было слишком правильным, слишком чистым и слишком тихим. Люди там говорили осторожно, следили за словами, будто каждое могло стать ошибкой. А дети Совета... большинство из них вели себя так, словно весь бункер принадлежит им по праву рождения.

Максим ненавидел это. Наверное, именно поэтому он так часто спускался на другие уровни. Там люди были другими — шумными, живыми, настоящими. Там не было этой постоянной осторожности, которая давила сильнее, чем запреты и именно там он впервые встретил Лизу.

Ему было десять. Он случайно заблудился на шестом уровне и увидел девочку, которая спорила с двумя старшими мальчишками. Она была меньше их, но говорила громче и совсем не боялась. Когда мальчики ушли, Максим подошёл к ней.

— Ты сумасшедшая, — сказал он тогда.

Лиза посмотрела на него спокойно.

— Возможно. Но зато я права.

С этого всё и началось. Сначала разговоры, потом встречи, потом дружба. Максим долго не говорил ей, из какой он семьи, — не потому, что боялся, а потому, что не хотел, чтобы это что-то изменило. Лиза узнала случайно, через несколько месяцев.

И тогда сказала:

— Мне разницы нет откуда ты и какой у твоей семьи статус.

Это был первый раз, когда кто-то сказал ему такие слова, наверное, именно тогда всё и началось по-настоящему.

Максим никогда не произносил этого вслух, даже сам себе признавался редко, но он был влюблён в Лизу, уже много лет.

Он замедлил шаг и на секунду остановился. Впереди качнулся свет фонаря, и Лиза обернулась.

— Что?

— Ничего.

Он догнал её и, чтобы скрыть паузу, добавил:

— Просто думаю.

— О чём?

Максим усмехнулся, но в этой усмешке было больше напряжения, чем лёгкости.

— О том, что если мой отец узнает, где я сейчас...

Лиза улыбнулась.

— Он будет очень злой?

— Безумно.

Они прошли ещё несколько метров. Туннель постепенно уходил глубже, холодный воздух становился плотнее, будто снизу поднималось что-то чужое.

Максим снова заговорил:

— Знаешь, почему я пошёл с тобой?

Лиза посмотрела через плечо.

— Потому что любишь приключения?

— Нет.

Он помолчал дольше обычного. Слова дались не сразу.

— Потому что я не хочу, чтобы ты делала такие вещи одна.

Лиза ничего не ответила. Но её улыбка стала мягче — едва заметно, если не знать, куда смотреть.

Максим отвёл взгляд.

Он не сказал главного. Не сказал, что боится не туннеля, не охраны и даже не наказания. Он боялся другого: что однажды Лизы просто не окажется рядом, и он ничего не сможет сделать.

Впереди туннель начал расширяться. Тьма становилась гуще, глубже, и где-то там, внизу, начинался девятый уровень — место, куда им точно не следовало идти, но теперь они уже не могли остановиться.

Глава 6

Фиолетовый уровень

Туннель постепенно становился шире. Металлические стены сменились грубым бетоном, а воздух заметно похолодел — не тем привычным холодом бункера, к которому они привыкли с детства, а другим, более резким и чужим. Где-то далеко гудели мощные генераторы, и этот низкий звук эхом расходился по коридору, будто заполнял пространство тяжестью.

Лиза остановилась.

Впереди появилась тусклая фиолетовая полоса света.

— Мы почти пришли, — сказала она.

Максим подошёл ближе, вглядываясь вперёд.

— Это девятый уровень?

Лиза кивнула, и они медленно вышли из технического туннеля, перед ними открылся длинный коридор. На стенах горели лампы с фиолетовыми метками — цвет научного сектора бункера. Здесь было непривычно тихо. Не просто спокойно — пусто, как будто место не замерло, а выдохлось.

— Где все? — спросил Максим уже почти шёпотом.

Лиза огляделась. Двери лабораторий были закрыты, некоторые экраны на стенах мигали предупреждениями, но ни одного человека не было видно. Возникло ощущение, что сектор не просто покинули — его оставили в спешке.

— Похоже, его закрыли полностью, — сказала девушка, хотя и сама не была уверена, что этим можно объяснить такую тишину.

Максим поднял руку, призывая её замолчать.

— Подожди. — полушёпотом произнес Максим.

Где-то вдалеке слышались шаги. Тяжёлые, металлические, ритмичные — не случайные.

— Охрана, — сказал он.

Они быстро прижались к стене и спрятались за большим металлическим шкафом с оборудованием. Лиза инстинктивно сжала папку, будто та могла защитить их. Максим задержал дыхание.

Через несколько секунд по коридору прошли двое охранников в чёрной форме. Их шаги глухо отдавались в бетоне. Они разговаривали негромко, но в пустом коридоре даже тихие слова разносились далеко.

— ...совет приказал проверить все лаборатории.

— Думаешь, они правда найдут это?

— Если учёный не соврал.

Максим медленно выдохнул, когда шаги начали удаляться.

— Значит, они знают.

Лиза не ответила, но теперь это уже звучало не как догадка, а как факт.

Максим нахмурился.

— Учёный?

Лиза почти неслышно сказала:

— Может, они говорят о моём отце.

Он посмотрел на неё, и внутри у него всё неприятно сжалось.

— Если так, значит они ищут то, что он оставил здесь. Если в архиве сохранились его записи, там могут быть доказательства. Не расчёты, не гипотезы, а реальные данные о том, что жизнь уже вернулась на поверхность.

Лиза медленно раскрыла папку с чертежами. Пальцы двигались быстро, но аккуратно, словно она боялась не потерять листы, а упустить время. Пролистав несколько страниц, она остановилась.

— Смотри.

Она показала на карту девятого уровня. В центре схемы был отмечен большой круг.

— Лаборатория поверхности, — прочитал Максим.

— Да.

Он наклонился ближе.

— И что там?

Лиза указала на небольшую пометку рядом.

— Архив исследований.

Максим тихо пробурчал.

— Если твой отец работал здесь...

— Тогда его записи могут быть там, — закончила она.

Эта мысль уже не была теорией. Если архив сохранился то значит в нём могли лежать доказательства — не догадки, не слова, а то, что нельзя будет списать на ошибку или страх. Лиза закрыла папку. В её взгляде появилось знакомое выражение — смесь тревоги и решимости. Страх никуда не исчез, но перестал быть главным.

— Нам нужно туда. — твёрдо произнесла Лиза.

Максим на секунду отвёл взгляд в сторону, куда ушли охранники. Он ясно представлял, что может ждать их впереди: патрули, камеры, закрытые двери, возможно, ловушки. Это уже было не просто нарушением правил. Это был прямой риск.

— Ты понимаешь, что здесь может быть гораздо больше охраны?

— Да.

— И всё равно пойдёшь?

Лиза чуть улыбнулась и пожала плечами.

— Конечно.

Максим выдохнул. В этой улыбке не было легкомыслия — только упрямство, которое он знал слишком хорошо.

— Иногда мне кажется, что ты самая упрямая девочка во всём бункере.

— Возможно, — спокойно ответила Лиза.

Но именно это и заставляло его идти за ней.

Они осторожно вышли из укрытия. Коридор снова был пуст. Только гул машин где-то в глубине и мигающие экраны напоминали, что сектор ещё жив.

Лиза ещё раз посмотрела на карту, будто проверяя не схему, а саму себя.

— Лаборатория должна быть в конце этого коридора.

Максим кивнул.

— Тогда идём.

Они двинулись вперёд, стараясь ступать как можно тише. Каждый шаг отдавался в голове громче, чем в самом коридоре, и чем дальше они шли, тем сильнее становилось ощущение, что за этой тишиной что-то скрывается.

Ни Лиза, ни Максим ещё не знали, что в лаборатории девятого уровня найдут не только записи её отца.

Там их ждало открытие, которое могло изменить судьбу всего бункера.

И, возможно, уже изменило их самих.

Глава 7

Лаборатория

Коридор девятого уровня казался бесконечным, его фиолетовые лампы отбрасывали холодный свет на металлические стены, и от этого всё вокруг выглядело ещё более чужим. Где-то за дверями лабораторий продолжали гудеть приборы, будто сам уровень всё ещё работал, несмотря на закрытие. Лиза и Максим шли осторожно, стараясь ступать как можно тише, но каждый шаг всё равно отдавался эхом.

— Нам лучше говорить шёпотом, — сказал Максим.

— Я и так почти не говорю, — ответила Лиза.

Она снова открыла папку с чертежами, несколько секунд внимательно изучала схему, потом указала вперёд.

— Лаборатория должна быть за этим поворотом.

Они дошли до угла и осторожно выглянули. Впереди была большая дверь с подсвеченной табличкой: «Лаборатория исследования поверхности».

Максим тихо выдохнул.

— Похоже, мы нашли её.

Но между ними и дверью стояла проблема. У входа дежурил охранник который стоял спиной к коридору, возле панели доступа. Он что-то проверял, не спеша, и именно этой спокойной уверенностью раздражал сильнее всего.

— Отлично, — пробормотал Максим. — План просто идеальный.

Лиза нахмурилась и быстро огляделась. Рядом была небольшая техническая ниша, а на полу у стены лежал маленький металлический болт. Она подняла его. Максим сразу понял, что она задумала.

— Ты серьёзно?

— Тихо.

Лиза бросила болт в противоположную сторону коридора. Металл ударился о стену, и в тишине девятого уровня звук прозвучал слишком громко. Охранник резко обернулся.

— Кто там?

Он сделал несколько шагов в сторону шума.

Этого было достаточно.

Лиза и Максим выскочили из-за угла и быстро подбежали к двери. Лиза раскрыла папку, пролистала несколько листов.

— Подожди... здесь должно быть...

Она нашла нужную страницу. Рядом со схемой лаборатории был указан код доступа.

— Есть.

Лиза быстро ввела цифры на панели. Та тихо пискнула, и дверь с шипением начала открываться.

— Быстрее!!!

Они проскользнули внутрь. Дверь закрылась как раз в тот момент, когда охранник вернулся в коридор.

Лиза и Максим остановились посреди большой лаборатории. Комната оказалась огромной: вдоль стен тянулись столы с компьютерами, экранами и старыми приборами, рядом стояли контейнеры с образцами, а в центре медленно вращалась голографическая модель поверхности Земли.

— Ничего себе... — Максим огляделся, почти не скрывая потрясения.

Лиза подошла к ближайшему терминалу. Экран всё ещё работал. Она нажала несколько кнопок, и на мониторе появились файлы.

— Это исследования? — спросил Максим, вставая рядом.

Лиза пролистывала данные быстро, почти машинально, пока вдруг не замерла.

— Максим...

— Что?

Она повернула экран к нему. На графике была показана карта радиации и цифры. Цифры были слишком маленькие.

Максим нахмурился.

— Это уровень радиации?

— Да.

— Но...

Он всмотрелся ещё раз.

— Это почти безопасно.

Лиза медленно кивнула. В её взгляде не было ни удивления, ни страха — только подтверждение того, что она уже начинала подозревать.

— Мой отец был прав.

Она открыла следующий файл. На экране появилась запись — видеоархив. Дата стояла старая, пятнадцать лет назад и Лиза нажала кнопку воспроизведения.

Экран загорелся ярче, а через секунду на нём появилось лицо мужчины. Он выглядел уставшим, но говорил уверенно, словно давно готовился к этим словам.

— Это запись для Совета бункера.

Лиза и Максим переглянулись.

Мужчина продолжил:

— Меня зовут Артём Волков. Я руководитель проекта исследования поверхности.

Он сделал короткую паузу.

— Я записываю это сообщение, потому что мои доклады игнорируются.

На экране появилась карта радиации.

— Наши измерения показывают, что уровень радиации на поверхности падает намного быстрее прогнозов. По моим расчётам, на значительной части Земли уже возможно жить.

Максим тихо выдохнул:

— Пятнадцать лет назад...

Но запись продолжалась.

— Да, мир изменился. Многие города разрушены, экосистема повреждена. Но жизнь на поверхности уже возможна.

Артём Волков посмотрел прямо в камеру, и от этого его слова стали ещё тяжелее.

— Люди могут выйти из бункера. И начать строить новый мир.

На несколько секунд он замолчал, потом добавил уже жёстче:

— Я требую, чтобы Совет рассмотрел мои данные и начал подготовку к возвращению людей на поверхность.

Снова пауза.

— Если это сообщение будет проигнорировано, значит Совет сознательно держит людей под землёй.

Экран погас. В лаборатории стало очень тихо. Даже гудение приборов теперь казалось приглушённым.

Максим медленно выдохнул.

— Они знали... Они всё знали...

Лиза смотрела на потемневший экран, сжав пальцами край стола.

— Да.

Её голос звучал тихо, но твёрдо.

— Они знали уже пятнадцать лет.

И в этот момент всё изменилось окончательно. Это была уже не догадка, не надежда и не опасная теория, а правда, зафиксированная в цифрах, в голосе, в записи. Правда, которую скрывали все эти годы.

И именно в этот момент за дверью лаборатории послышались тяжёлые шаги охраны.

Глава 8

Тайна Совета

Шаги за дверью становились всё громче. Лиза и Максим мгновенно переглянулись.

— Охрана, — сказал Максим.

Лиза быстро выключила экран с записью, и лаборатория погрузилась в полумрак, освещённый только тусклым светом терминалов и дежурными огнями приборов. Шаги остановились прямо у двери — кто-то уже проверял панель доступа.

— Если они войдут, нам конец, — прошептал Максим.

Лиза быстро осмотрела лабораторию.

— Нужно спрятаться.

Они скользнули за высокий шкаф с оборудованием у стены, стараясь не задеть ничего лишнего. Через несколько секунд дверь открылась, и внутрь вошли двое охранников.

— Проверь терминалы, — сказал один из них. — Нам приказали убедиться, что сюда никто не заходил.

Максим сжал кулаки. Он чувствовал, как напряжение сковывает тело, и заставлял себя не двигаться. Охранники медленно осматривали комнату. Один подошёл к центральному экрану, где ещё недавно была запись Артёма Волкова.

— Странно... система активна.

— Могла включиться автоматически, — отозвался второй.

Лиза затаила дыхание. Сердце билось так громко, что ей казалось: ещё немного, и его услышат в этой тишине. Но охранник только пожал плечами. Несколько минут тянулись мучительно медленно, пока они проверяли столы, экраны и доступ к архивам.

Наконец один из них сказал:

— Всё чисто.

— Тогда уходим. Совет ждёт отчёт.

Дверь снова закрылась. Шаги начали стихать.

Лиза медленно выдохнула, будто только сейчас разрешила себе дышать.

— Мы чуть не попались.

Максим осторожно выглянул из укрытия.

— Они явно что-то ищут.

Лиза подошла к терминалу и снова включила экран.

— Если мой отец отправлял сообщение Совету, значит у них должны быть ответы.

Она начала искать другие файлы. На экране появились архивные записи Совета — большинство было закрыто, но один документ оказался повреждён и открывался только частично. Дата почти совпадала с записью её отца.

Лиза открыла файл.

На экране появилась расшифровка заседания Совета.

Максим начал читать вслух:

— «Доклад Волкова подтверждает снижение радиации...»

Он нахмурился и перевёл взгляд дальше.

— «Однако преждевременное сообщение населению может вызвать нестабильность.»

Лиза быстро пролистала ниже. Следующая строка заставила её замереть.

— Что там? — спросил Максим.

Она не ответила сразу, только прочитала:

— «Кроме того, последние данные наблюдений подтверждают наличие людей на поверхности.»

Максим резко поднял голову.

— Что?

Лиза читала дальше, уже не отрываясь от экрана.

— «По данным спутников и дронов, человеческая активность на поверхности фиксируется уже много лет.»

Максим недоверчиво покачал головой.

— Люди... там уже живут?

Лиза медленно кивнула. Внутри у неё всё сжималось сильнее с каждой строчкой.

— «Предположительно это выжившие из других убежищ или группы, пережившие катастрофу».

— «Они строят поселения, сбиваются в группы и адаптируются к новым условиям».

Максим тяжело опустился на стул, будто у него внезапно исчезла опора.

— То есть... Земля не просто пригодна для жизни. — Он посмотрел на Лизу. — Люди уже давно там живут.

Лиза закрыла файл. Пальцы у неё слегка дрожали, но взгляд стал только жёстче.

— Совет всё это знал.

Она посмотрела на голографическую карту поверхности, которая медленно вращалась в центре лаборатории.

— Они знали, что радиация падает. Знали, что на поверхности уже есть люди.

Максим тихо сказал:

— И всё равно держали всех под землёй.

Лиза сжала кулон на шее. Металл был холодным, почти чужим.

— Тогда это не просто ошибка.

Она посмотрела на него.

— Это ложь.

И в этот момент на одном из экранов вспыхнуло сообщение системы безопасности:

ВНИМАНИЕ.

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К ЛАБОРАТОРИИ.

Максим тихо выругался.

— Похоже, теперь они точно знают, что мы здесь.

И почти сразу из коридора снова донеслись тяжёлые шаги охраны. Только теперь их было больше.

Глава 9

Цена правды

Сигнал тревоги в лаборатории вспыхнул красным. На одном из экранов появилась надпись: «ВНИМАНИЕ. НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП». Лиза и Максим одновременно посмотрели на дверь.

— Нам нужно уходить, — сказал Максим.

Но было уже поздно. За дверью раздались быстрые шаги — много шагов, и по их ритму сразу стало ясно, что времени больше нет. Лиза быстро закрыла файлы на терминале и схватив документы сунула их парню в руки так как понимала, что у него больше шансов их сохранить. Максим оглядывал лабораторию, словно надеялся найти другой выход, но увы его не было.

Дверь резко открылась.

В лабораторию вошли четверо охранников.

— Не двигаться!

Яркие лучи фонарей ударили в глаза. Лиза прикрыла лицо рукой, Максим поднял руки. Один из охранников подошёл ближе, посветил им прямо в лица и вдруг замер.

— Подождите...

Он узнал Максима.

— Это сын советника.

Другие переглянулись. Командир отряда нахмурился.

— Максим Орлов. Что вы делаете на закрытом уровне?

Максим молчал и тогда охранник перевёл взгляд на Лизу.

— А ты кто?

Она тоже не ответила затем командир коротко кивнул.

— Забрать их.

Через несколько минут их уже вели по коридору — Максима отдельно, Лизу отдельно. Когда их разделили на перекрёстке туннелей, она успела только крикнуть:

— Максим!

Но дверь между секторами уже закрывалась.

Максима подняли на первый уровень — белый уровень, где всё было таким же безупречно чистым и тихим, как всегда. Его провели в большой кабинет Совета. За длинным столом сидели взрослые люди, и среди них был его отец — высокий мужчина с холодным, неподвижным взглядом.

Когда охрана ушла, в комнате образовалась тишина.

Отец посмотрел на него.

— Ты не хочешь объяснить, что произошло?

Максим молчал.

Тогда заговорил другой член Совета. Голос его был спокойным, почти мягким, но от этого слова звучали только неприятнее.

— Мы знаем, что ты был на девятом уровне. И знаем, что ты был не один.

Максим поднял голову.

— Где Лиза?

Отец ответил сразу:

— Девочка находится под стражей.

Максим резко сжал кулаки.

— Она ничего не сделала.

Один из советников тихо усмехнулся.

— Напротив. Она проникла на закрытый уровень и получила доступ к секретной информации.

Отец поднял руку, и в комнате снова стало тихо. Он долго смотрел на сына, а потом спокойно произнёс:

— Максим, ты должен понять одну вещь.

Он встал из-за стола и подошёл ближе.

— Мы не наказываем тебя. Потому что ты один из нас.

Максим нахмурился.

— Один из вас?

— Да. Ты родился в одной из пятнадцати семей основателей. Однажды ты станешь частью Совета.

Он говорил спокойно, терпеливо, как будто объяснял что-то очевидное и давно решённое.

— Поэтому ты должен понять, почему мы принимаем такие решения.

Максим ничего не ответил, но внутри у него уже всё сопротивлялось.

Тогда заговорил другой советник:

— Люди в бункере живут спокойно. У них есть еда, работа, порядок.

Он посмотрел прямо на Максима.

— А теперь представь, что мы скажем им правду. Что на поверхности можно жить. Что там есть другие люди.

Он покачал головой.

— Начнётся хаос.

Отец продолжил:

— Большинство людей не умеют принимать решения. Они не умеют строить общество. Им нужен порядок. Им нужны правила.

Он сделал короткую паузу.

— Им нужны те, кто будет управлять, принимать за них решения.

Максим тихо спросил:

— То есть вы считаете их глупыми?

Отец посмотрел на него холодно.

— Мы считаем их слабыми.

Другой советник добавил ещё жёстче:

— Люди — как стадо. Если открыть двери сейчас, они уничтожат сами себя. Поэтому мы держим систему под контролем.

Максим сжал зубы.

— Вы говорите о них как о животных.

Отец ответил без тени сомнения:

— Нет. Мы говорим о них как о нашей ответственности.

Он посмотрел сыну прямо в глаза.

— И однажды это станет твоей ответственностью тоже.

Максим ничего не сказал. Но внутри него в этот момент что-то окончательно надломилось. Всё, что раньше казалось просто давлением семьи, теперь вдруг показалось чем-то боль-

шим — холодной системой, в которой человеку заранее отведено место и право на выбор существует только для тех, кто сидит за этим столом.

В комнате снова стало тихо.

Тем временем на самом нижнем уровне бункера тяжёлая дверь камеры закрылась с металлическим лязгом. Лиза осталась одна в маленьком тёмном помещении. Там не было окон — только холодные бетонные стены и тусклая лампа под потолком. Охранник ушёл, его шаги постепенно стихли.

Лиза медленно опустилась на металлическую скамью и сжала кулон на шее. Впервые за весь день её руки дрожали, но страх уже отступал. На его место приходило другое чувство — тяжёлое, холодное и куда более опасное — этим чувством была Злость.

Она подняла голову и тихо сказала в пустоту:

— Если они думают, что правда исчезнет...

Теперь её голос звучал твёрдо.

— Они сильно ошибаются.

Глава 10

План

Камера была холодной. Дни на нижнем уровне почти не отличались друг от друга: свет включался и выключался по расписанию, за дверью время от времени раздавались шаги охраны, а тишина давила сильнее любых слов. Лиза сидела на металлической скамье и смотрела на стену, пытаясь считать дни, но быстро сбивалась. Иногда она сжимала кулон на шее — это помогало удержаться и не дать мыслям окончательно уйти в пустоту.

Однажды утром дверь камеры открылась, Лиза подняла голову. Внутри вошёл человек в белом халате, и она сразу узнала его — это был Константин Сергеев, тот самый врач, который воспитывал её с детства. Он выглядел старше, чем она помнила: под глазами легли глубокие тени, волосы почти полностью поседели, а во взгляде появилась тяжесть, которой раньше не было.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

— Здравствуй, Лиза, — сказал он.

— Здравствуйте, — спокойно ответила она.

Охранник закрыл дверь и остался у стены. Сергеев сел на стул напротив.

— Как ты?

Лиза усмехнулась.

— В тюрьме обычно не очень хорошо.

Он вздохнул, будто ожидал именно такого ответа.

— Совет, наверное, уже знает, что я к тебе пришёл.

Лиза внимательно посмотрела на него.

— Тогда зачем вы здесь?

Сергеев немного помолчал, словно подбирая слова.

— Потому что должен был убедиться, что с тобой всё в порядке.

Лиза опустила взгляд, потом тихо сказала:

— Они всё знали. Про поверхность. Про людей.

Сергеев медленно кивнул.

— Да.

— Вы тоже знали?

Он долго не отвечал, и это молчание само по себе уже было ответом. Потом всё же сказал:

— Я знал часть правды.

Лиза подняла на него глаза.

— И ничего не сделали?

Сергеев тяжело вздохнул.

— Иногда правда слишком опасна для системы.

Лиза покачала головой.

— Или для тех, кто этой системой управляет.

На лице Сергеева мелькнула усталая, почти виноватая улыбка.

— Ты очень похожа на своего отца.

Эти слова прозвучали иначе, чем раньше: не как воспоминание, а как предупреждение.

Несколько секунд они снова молчали.

— Будь осторожна, Лиза, — сказал он наконец. — Сейчас за тобой следят очень внимательно.

Он встал. Охранник у двери пошевелился, готовый выпустить его.

— И не теряй надежду, — добавил Сергеев и вышел из камеры девушки.

Тем временем на первом уровне бункера Максим сидел в своей комнате. На столе перед ним лежали карты — туннели, технические проходы, старые шахты, давно забытые ветки внутренней системы. Он изучал их уже несколько месяцев, медленно проводя пальцем по линиям, будто пытался нащупать путь не по схеме, а на ощупь.

— Должен быть выход...

После разговора с Советом он понял главное: за ним следят. Поэтому начал играть роль. Перед родителями и советниками он вёл себя спокойно — слушал, кивал, делал вид, что начинает понимать их логику. Его отец даже стал говорить с ним мягче.

— Ты начинаешь взрослеть, — сказал он однажды.

Но Максим знал, что это только видимость. На самом деле он думал лишь о Лизе и о том, как её вытащить.

Спустя довольно долгое время ему разрешили спуститься на тюремный уровень — официально, чтобы поговорить с ней. Когда он вошёл в камеру, она сначала даже не поверила.

— Максим?

Он подошёл ближе. Охранник стоял у двери и внимательно наблюдал за ними. Поэтому Максим заговорил спокойно, почти буднично:

— Как ты?

Лиза усмехнулась.

— Бывало и лучше.

Он сделал ещё шаг и тихо, почти не шевеля губами, сказал:

— Слушай внимательно.

Лиза сразу поняла, что происходит, и чуть отвернулась, чтобы скрыть лицо.

— Я изучал карты бункера, — продолжил он тем же еле слышным голосом. — Есть старые технические туннели. Один из них проходит рядом с этим уровнем.

Лиза почувствовала, как сердце начинает биться быстрее, но внешне осталась спокойной.

— И что это значит?

Максим едва заметно улыбнулся. В его взгляде впервые за всё это время появилась настоящая уверенность.

— Это значит, — сказал он, глядя ей прямо в глаза, — что мы ещё не закончили.

Глава 11

Назад пути нет

Тюремный уровень бункера всегда был тихим даже слишком тихим. Тусклые лампы освещали длинный коридор с камерами, и эта тишина давила сильнее любого шума. Иногда разда-

вались шаги охраны или лязг открывающихся дверей, но такие звуки только сильнее подчёркивали пустоту.

Лиза сидела на скамье и смотрела на металлическую дверь своей камеры. Она ждала, так как Максим сказал, что вернётся, а значит, он должен был прийти.

Несколькими часами ранее Максим стоял в пустом техническом коридоре пятого уровня. Он ждал, прислушиваясь к каждому шороху. Когда шаги всё-таки прозвучали, они были почти неслышными.

— Ты всё-таки пришёл, — сказал знакомый голос.

Максим обернулся. Сергеев выглядел уставшим, но в его взгляде появилась решимость, которой раньше не было.

— У нас мало времени, — сказал Максим. — Её держат на нижнем уровне.

Сергеев кивнул, будто уже давно это понял.

— Я догадался.

Несколько секунд они молчали. Потом врач тихо произнёс:

— Я должен был сделать это раньше.

Максим нахмурился.

— Сделать что?

Сергеев посмотрел на него прямо.

— Перестать молчать.

Он глубоко вдохнул, словно эти слова давались ему тяжелее, чем всё остальное.

— Я знал, что происходит. Не всё, но достаточно. И всё равно ничего не сделал.

Максим сжал зубы.

— Сейчас у вас есть шанс это исправить.

Сергеев коротко кивнул.

— Поэтому я здесь.

Максим развернул карту бункера.

— Есть старый маршрут. Через сервисные туннели. Он проходит рядом с тюремным уровнем.

Сергеев внимательно посмотрел на схему.

— Да. Я знаю этот проход. Его давно не используют.

Он провёл пальцем по линии.

— Но здесь будет охрана.

— Я отвлеку их, — сказал Максим.

Сергеев покачал головой.

— Нет. Я отвлеку.

Максим посмотрел на него.

— Это слишком опасно.

Сергеев усмехнулся, но в этой улыбке не было ничего лёгкого.

— Опасно — это жить, зная правду, и ничего не делать.

Он на мгновение замолчал.

— Её отец не испугался.

Эти слова повисли между ними.

— Я слишком долго пытался быть частью системы, — тихо добавил он. — Хватит.

Максим понял, к чему тот ведёт.

— Что вы собираетесь сделать?

Сергеев ответил спокойно:

— Я запущу ложную тревогу на медицинском уровне. Перекрою часть систем. Охрану перебросят туда.

— А вы?

Он пожал плечами.

— А я останусь там.

Максим нахмурился.

— Это не план. Это...

— Это мой выбор, — перебил его Сергеев.

Потом посмотрел серьёзно и твёрдо:

— Выведи её отсюда.

Максим молчал.

— Обещай.

Он медленно кивнул.

— Обещаю.

Через несколько часов в коридоре у камеры слышались шаги. Лиза подняла голову. У двери остановился охранник, заглянул в маленькое окно, потом открыл замок.

— Выходи.

— Куда?

— Допрос.

Он распахнул дверь, и Лиза медленно вышла в коридор. В этот момент за его спиной появился ещё один человек.

Максим.

Он был в форме службы безопасности. Всё произошло так быстро, что охранник даже не успел обернуться. Максим резко ударил его металлической дубинкой по голове. Глухой звук — и тело рухнуло на пол.

Лиза замерла.

— Максим...

Он тяжело дышал.

— У нас мало времени.

Максим быстро снял с охранника ключ-карту и пистолет. Лиза невольно посмотрела на лежащего человека.

— Он...

— Он жив. Просто без сознания.

Максим сунул карту в карман и кивнул ей:

— Бежим.

Они побежали по коридору. Максим двигался уверенно — он знал маршрут. И в этот момент по системе раздался сигнал тревоги.

Но не тот, что раньше, этот сигнал был другой, с пятого уровня.

Где-то далеко вспыхнул красный свет, и голос системы сообщил о сбое в медицинском секторе.

Лиза на секунду сбилась с шага.

— Что это?

Максим коротко ответил, не оборачиваясь:

— Это Сергеев.

Она посмотрела на него.

— Что?

Он сжал зубы.

— Он помог нам. Отвлёк охрану. Запустил ложную тревогу.

Лиза замедлилась.

— Он... с нами?

Максим покачал головой.

— Нет.

Несколько секунд он молчал, а потом добавил уже тише:

— Он знал, что не выйдет.

Эти слова ударили сильнее, чем звук сирены. Лиза ничего не ответила, но шаг её стал быстрее.

Они свернули в сервисный коридор, и в этот момент впереди появился ещё один охранник.

— Стоять!

Лиза застыла. Всё произошло за одно мгновение: Максим шагнул вперёд и выстрелил.

Тишина ударила почти так же сильно, как сам выстрел. Лиза смотрела на тело и в этот момент они оба понимали: назад пути больше нет.

Где-то вдалеке тревога усиливалась. Максим сжал её руку.

— Мы не успеем, если остановимся.

Лиза глубоко вдохнула.

— Теперь мы не сможем вернуться.

— Я знаю.

И в этот момент где-то далеко, на пятом уровне, раздался ещё один хлопок. Он был короткий и резкий. После хлопка сразу всё оборвалось.

Максим остановился на секунду. Он этого не видел, но понял. Слишком быстро всё стало тихо.

Он закрыл глаза на мгновение.

— Пошли.

Они снова побежали по туннелю. Впереди был старый сервисный проход, тот самый, который вёл к заброшенной шахте.

А дальше был путь на поверхность.

Глава 12

Мир, которого они не знали

Сирены тревоги гудели по всему бункеру. Красный свет вспыхивал в коридорах и отражался от металлических стен, превращая знакомые тоннели в что-то чужое и враждебное. Лиза и Максим бежали по узкому техническому проходу, где воздух был холоднее обычного и пах старым металлом, пылью и застоявшимся временем. Этими маршрутами почти никто не пользовался.

Максим держал карту в руке и, тяжело дыша, сказал:

— Ещё немного. Шахта должна быть впереди.

Лиза ничего не ответила. Она всё ещё чувствовала тяжесть того, что осталось позади, но сейчас не было времени думать об этом. Нужно было идти дальше.

Они свернули в ещё один коридор — ещё уже, ещё темнее. Несколько ламп под потолком едва работали, и тусклый жёлтый свет только местами разрезал темноту. Некоторое время они шли молча, пока Максим вдруг не спросил, не глядя на неё:

— Ты когда-нибудь представляла, какая она... поверхность?

Лиза чуть замедлила шаг. Перед глазами всплыли картинки из книг, старых учебников, детских иллюстраций, в которые когда-то трудно было поверить.

— Да, — сказала она. — Нам говорили, что раньше был огромный мир. С лесами, океанами и небом.

Максим усмехнулся, но без радости.

— Небо... Странно думать, что над нами не потолок из металла.

Лиза едва заметно улыбнулась.

— В книгах писали, что оно бывает разного цвета. Голубое днём, оранжевое на закате, чёрное ночью.

— И там миллионы звёзд, — тихо добавил Максим. — Не лампы. Настоящие.

— А еще ветер. И дождь. И реки, которые текут сами по себе, — мечтая сказала она. Максим на секунду замолчал.

— Ты понимаешь, что всё может оказаться совсем не таким?

Лиза посмотрела на него спокойно.

— Да. Но это всё равно лучше, чем жить во лжи.

Некоторое время они снова шли молча. Потом Лиза тихо спросила:

— Максим... Сергеев...

Он сразу понял, о чём она.

Ответ не пришёл быстро. Максим сжал карту в руке так, что та едва не смялась.

— Он знал, что делает, — сказал он наконец. — Он отвлёк охрану. Без него мы бы не смогли выйти.

Лиза опустила взгляд.

— Он остался там...

Максим кивнул.

— Да.

Тишина между ними стала тяжелее.

— Он что-нибудь сказал? — полушёпотом спросила она.

Максим на мгновение закрыл глаза, вспоминая.

— Сказал, что слишком долго молчал.

Лиза крепче сжала кулон на шее.

— Он не молчал, — с горечью произнесла она. — Он выполнял просьбу.

Максим посмотрел на неё, но ничего не ответил. В этом уже не было необходимости.

Впереди наконец показался большой металлический люк — старый, покрытый слоем пыли и ржавчины. Максим подошёл к панели управления и провёл по ней рукой, счищая грязь.

— Это и есть выходная шахта.

Лиза почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

— Мы правда это сделаем?

Максим посмотрел на неё чуть дольше обычного.

— Мы уже сделали.

Он нажал кнопку.

Где-то внутри стены заскрипел старый механизм, наверху глухо задвигались шестеренки. Люк медленно начал открываться. Сначала появилась тонкая полоска света — настоящего, живого, непривычно яркого. Он был сильнее любого света в бункере. Лиза невольно прикрыла глаза ладонью.

Потом люк открылся шире, и в шахту ворвался воздух, он был холодный, чистый, настоящий.

Он не просто наполнял лёгкие — он двигался, дышал, жил своей жизнью, совсем не так, как воздух в бункере.

Лиза сделала шаг вперёд и глубоко вдохнула.

— Это... пахнет иначе.

Максим тихо сказал:

— Это запах мира.

Они начали подниматься по старой металлической лестнице. Шаг за шагом. Чем выше они поднимались, тем ярче становился свет и тем сильнее чувствовался ветер. Это было уже не просто движение вверх. Это был выход.

Когда Лиза первой выбралась из шахты, она остановилась и замерла. Перед ней был мир. Новый мир.

Ветер усилился. Не как движение воздуха, а как давление.

Он не гладил кожу, а толкал, сбивал дыхание и заставлял щуриться.
Лиза сделала шаг вперёд — и на секунду потеряла равновесие.

Земля под ногами оказалась неровной. Слишком настоящей.
— Осторожно, — аккуратно поддерживая Лизу сказал Максим.
Она кивнула, но не ответила.

Здесь не было ничего, что держало бы её. Ни стен. Ни границ. Ни правил, которые можно запомнить и впервые это ощущалось не как свобода, а как отсутствие опоры.

Перед ними тянулись равнины. Где-то вдали виднелись разрушенные силуэты городов, но между ними уже росла трава, поднимались деревья и шевелилась жизнь. Ветер проходил по полю мягкой волной.

Лиза прошептала:

— Земля... живая.

Максим смотрел на горизонт.

— Мой отец говорил, что люди не справятся сами.

Он покачал головой.

— Но кто-то уже справился.

Лиза сжала кулон на шее. Внутри не было страха — только чувство, к которому она не привыкла и которого раньше не знала.

СВОБОДА.

Перед ними лежал мир, которого они никогда не видели и назад пути уже не было.

Глава 13

Вода и тишина

Сначала они шли молча.

После долгих лет под землёй мир казался слишком большим. Не прекрасным, а именно большим, открытым до болезненности, как если бы у пространства внезапно исчезли стены и человек остался перед ним без защиты. Ветер двигал высокую траву, и она шуршала вокруг, будто разговаривала на языке, которого они не знали. Где-то далеко кричали птицы — резко, свободно, тревожно. Этот звук тоже был новым: не сигнал, не команда, не шум вентиляции, а чья-то живая воля.

Лиза иногда останавливалась и оглядывалась. Не потому, что любовалась, — скорее потому, что до сих пор не верила, что всё это не исчезнет, если она моргнёт. Поверхность была реальной, но именно реальность пугала сильнее ожиданий ведь в бункере всё было просчитано, а здесь — нет.

— Всё

настоящее... — сказала она наконец, почти шёпотом, больше себе, чем Максиму.

Он усмехнулся, но на этот раз в его голосе не было прежней лёгкости.

— Надеюсь, ты не ждала, что это окажется декорацией.

Лиза чуть толкнула его плечом.

— Очень смешно. — сморщила брови девушка.

— Я стараюсь. — пожав плечами ехидно произнес Максим.

Но даже в шутке слышалось напряжение. Максим всё время оглядывался — не только назад, на холмы и траву, но и внутрь себя. Бункер остался под землёй, а привычка ждать опасности никуда не делась. Более того, здесь она стала только сильнее. Там у угрозы были лица, уровни, форма, порядок. Здесь опасность могла быть любой и эта неизвестность пугала сильнее всего.

Они шли вдоль невысокого холма, и земля под ногами постепенно менялась: где-то была мягкой, где-то сухо похрустывала, где-то проваливалась под подошвой. Лиза заметила, что Максим идёт чуть сбоку, будто машинально закрывает её от чего-то невидимого.

— Ты всё ещё думаешь, что за нами могут идти? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Я думаю, если бы мой отец мог, он бы уже отправил за нами людей.

— Но не отправил.

— Это пока что, — поправил Максим.

Лиза посмотрела на него внимательнее. Под открытым небом он казался другим — не свободнее, как она ожидала, а напряжённее. Будто бункер всё ещё жил в нём, даже когда исчез вокруг.

Она хотела что-то сказать, но в этот момент оба услышали странный звук — глухой, непрерывный, глубокий, как будто где-то далеко обрушивались камни.

Максим замер.

— Ты слышишь?

Лиза кивнула и посмотрела на парня.

— Да.

Они пошли на звук. С каждым шагом он становился сильнее и гуще, заполняя воздух так, будто сам вёл их за собой. Через несколько минут трава вдруг закончилась, земля под ногами стала каменистой, и перед ними открылось узкое ущелье.

А в нём — вода. Настоящая.

Поток срывался с каменной стены и падал в тёмное озеро, разбиваясь в холодные брызги и белую пену. Шум был таким сильным, что заглушал всё остальное — мысли, шаги, дыхание.

Лиза остановилась.

— Это...

Слова не приходили на ум, эмоции переполняли и сбивали дыхание ведь ранее ребята видели такое только на картинках и слышали в рассказах, они не думали что когда-либо им удастся увидеть это своими глазами.

Максим тоже замер, хотя его голос прозвучал спокойнее:

— Водопад.

Лиза коротко, почти растерянно засмеялась.

— Я знаю, что это водопад. Просто... он настоящий.

Они подошли ближе. Холодные брызги коснулись лица, и Лиза невольно вздрогнула. В бункере вода текла по трубам, дозированная, обезличенная, подчинённая системе. Здесь она падала сама по себе — с силой, шумом, избытком. В этом было что-то почти невозможное.

Лиза осторожно протянула руку, коснулась потока и тут же отдёрнула пальцы.

— Холодная.

— Какая неожиданность, — с иронией произнес Максим.

Она повернулась к нему.

— Не порти момент. — нахмурившись произнесла Лиза.

— Я не порчу. Я помогаю тебе не начать поклоняться водопаду.

Лиза уже собиралась ответить, когда он вдруг слегка толкнул её в плечо. От неожиданности она потеряла равновесие и с громким всплеском рухнула в воду.

Через секунду вынырнула — мокрая, ошеломлённая и злая.

— Максим!

Он рассмеялся — впервые по-настоящему, без усилия.

— Прости.

Но Лиза уже тянулась к нему. Она схватила его за запястье, резко дёрнула — и через мгновение он тоже оказался в воде.

Теперь смеялись оба: громко, свободно, по-настоящему, как и весь этот мир, который был скрыт за стенами бункера.

Этот смех разносился по камням, смешивался с шумом воды и звучал так, будто они оба только сейчас вспомнили, что ещё живы.

Потом они ещё какое-то время плескались в холодном озере, пока усталость не вернулась в тело. Лиза выбралась на тёплый камень у берега и села, обняв колени. С мокрых волос стекали капли. Максим устроился рядом. Некоторое время они молчали, слушая шум воды, который уже перестал казаться чужим и стал почти укрытием.

— Спасибо, — сказала Лиза.

— За что?

Она повернулась к нему.

— За то, что пошёл со мной.

Максим опустил взгляд на воду.

— Я уже говорил. Я не мог позволить тебе идти одной.

Лиза смотрела на него несколько секунд. Потом спросила тише:

— Это из-за меня? Или из-за того, что ты не можешь больше быть одним из них?

Максим усмехнулся, но невесело.

— Жестокий вопрос.

— Зато честный.

В бункере он, возможно, ушёл от ответа, перевёл бы всё в шутку, но сейчас вокруг было слишком много настоящего, чтобы продолжать притворяться.

— Сначала из-за тебя, — сказал он. — Потом из-за правды. А теперь я уже не уверен, что могу это разделить.

Лиза ничего не ответила. Только смотрела на него, и в этом взгляде было больше понимания, чем в словах.

Потом она наклонилась и поцеловала его.

Это случилось быстро, но не случайно. Не от восторга, не от облегчения, не «потому что они выжили», а потому, что после всего сказанного отступать уже не имело смысла.

Максим замер.

Когда она отстранилась, он всё ещё смотрел на неё так, будто поверхность снова открылась перед ним — но уже иначе.

— Это... за спасение? — спросил он осторожно.

Лиза улыбнулась.

— Нет. Это потому, что я хотела.

Он тихо засмеялся.

— Хорошая причина.

— Не наглей.

— Даже не собирался.

Но улыбка у него осталась. И у Лизы тоже — хотя всего на несколько секунд.

Потому что вскоре они снова пошли дальше.

И чем дальше уходили от водопада, тем яснее становилось: поверхность не собирается быть только красивой.

Сначала Лиза заметила кусты с маленькими красными ягодами и остановилась.

— Подожди.

Максим сразу насторожился.

— Что?

Она присела рядом с кустом.

— Я видела такие в книгах. Похоже, это что-то съедобное.

Он посмотрел на неё с сомнением.

— “Похоже” звучит не очень обнадеживающе.

— Ты сейчас говоришь как человек, выросший рядом с постоянным доступом к еде.

— И именно поэтому я уважаю понятную еду.

Лиза вздохнула и осторожно сорвала ягоду. Несколько секунд рассматривала её, потом попробовала.

Максим напряжённо следил за ней.

— Ну?

Она прожевала и только потом сказала:

— Вкусно.

— Очень убедительно.

Но всё же взял одну и тоже попробовал.

— Невероятно, — пробормотал он через секунду. — Еда, которая просто растёт.

Лиза усмехнулась.

— Мир вообще ведёт себя подозрительно независимо.

Они набрали немного ягод и пошли дальше, но вскоре Лиза снова остановилась.

— Смотри.

Максим подошёл ближе и сразу понял, что её насторожило.

Впереди был странный участок земли. Почва там была почти чёрной, плотной, будто выжженной изнутри. Трава на ней не росла. Деревьев тоже не было. Даже ветер, казалось, обходил это место стороной.

Максим нахмурился.

— Это из-за радиации?

Лиза медленно покачала головой.

— Не знаю. Но здесь точно срывать и есть что-то не стоит.

Они не подходили слишком близко, но и с расстояния чувствовали разницу. Воздух над чёрной землёй был тяжелее, тише. Мир там выглядел так, словно когда-то пережил не просто разрушение, а что-то более глубокое — то, от чего остаётся память в самой почве.

Максим невольно сделал шаг ближе к Лизе.

— Нам лучше держаться подальше от таких мест.

Лиза кивнула, но взгляд не отвела.

Теперь поверхность уже не казалась только доказательством свободы. Она была живой — да. Но ещё и сложной, сломанной, местами непонятной. Мир вернулся не целиком. И, возможно, не для всех одинаково.

— Ты заметил? — тихо спросила она.

— Что именно?

— В бункере нам ввали о том, что на поверхности можно жить. Но они, может быть, не ввали о том, что мир опасен.

Максим посмотрел на тёмную землю, потом на горизонт.

— Это и есть самое удобное в хорошей лжи, — сказал он. — В ней почти всегда есть кусок правды.

Лиза подняла на него взгляд. Вот это уже был его голос — более сухой, более собранный, чем раньше. Не просто мальчик, который идёт рядом, а человек, выросший внутри системы и слишком хорошо понимающий, как она думает.

Они обошли чёрный участок стороной. Но ощущение чужого присутствия осталось. Не человеческого — скорее мирового. Как будто поверхность смотрела на них так же внимательно, как они на неё.

Когда солнце начало медленно уходить ниже, свет изменился. Трава стала темнее, длиннее вытянулись тени, и Лиза вдруг вспомнила слова из старых книг: к вечеру мир становится другим.

— Нам надо найти место, где можно переждать ночь, — сказал Максим.

— Ты думаешь, ночью будет хуже?

Он огляделся.

— Я думаю, мы пока слишком мало знаем, чтобы проверять.

Это был правильный страх. Не паника, не трусость — способность понять, что незнание тоже угроза. И Лиза внезапно почувствовала, что благодарна ему именно за это: он не гасил её движение, но заставлял видеть цену каждого шага.

Они пошли дальше, уже быстрее, и шум водопада постепенно остался позади. Но вместе с ним ушло и короткое чувство безусловной радости.

Впереди был живой мир—. Красивый, настоящий, свободный, но всё ещё чужой и возможно опасный.

Лиза оглянулась на тёмный участок в последний раз и почувствовала странное, холодное предчувствие. Будто поверхность не просто открывалась им, а понемногу проверяла, кто они такие и смогут ли выдержать то, что в ней осталось.

И именно тогда она впервые поняла: выйти из бункера — это ещё не значит спастись.

Глава 14

Охота

В бункере было беспокойно.

Тревога уже несколько часов не выключалась. Красные лампы мигали в коридорах, охрана проверяла уровни один за другим, двери срабатывали с задержкой, а люди начинали говорить тише обычного — так всегда, бывало, когда система чувствовала удар и отвечала не паникой, а усилением контроля. Новость о побеге разошлась быстро, хотя вслух её почти никто не обсуждал: двое подростков ушли на поверхность, и один из них был сыном советника.

Это было не просто нарушением. Это было огромной брешью для самой системы.

В большом зале Совета стояла напряжённая тишина. За длинным столом сидели представители пятнадцати семей основателей. Перед ними стоял начальник службы безопасности — сухой, собранный человек, говоривший так, будто каждое слово уже проверено и не может быть трактовано двусмысленно.

— Мы нашли тело одного из охранников, — сказал он. — Второй тяжело ранен.

В зале едва заметно дрогнул воздух. Несколько членов Совета переглянулись. Отец Максима сидел неподвижно, но пальцы его медленно сжимались на подлокотнике кресла.

— Судя по записям камер, они ушли через старую сервисную шахту, — продолжил начальник. — Ту, что ведёт на поверхность.

По залу прошёл тихий, короткий гул.

— Значит, они уже наверху, — сказал один из советников.

— Да.

— Тогда их нужно вернуть.

Начальник службы безопасности ответил не сразу.

— Вернуть будет сложно.

Он включил экран. На нём появилась карта поверхности — слишком большая, слишком открытая, слишком не похожая на аккуратные схемы бункера. Даже сейчас она выглядела не как объект управления, а как чужая территория.

— Но мы знаем, как их найти, — добавил он.

Один из старших советников нахмурился.

— Мы не отправляли людей наверх уже много лет.

— Отправляли, — спокойно возразил начальник.

В комнате стало тихо. Теперь уже по-настоящему.

— У бункера есть разведывательная группа, — продолжил он. — Небольшие отряды выходят на поверхность уже много лет. Они изучают местность, наблюдают, собирают данные и возвращаются.

Несколько молодых членов Совета переглянулись. Для одних это было потрясением, для других — подтверждением того, о чём они давно догадывались, но не имели права говорить.

На экране одна за другой появились фотографии: люди в защитных костюмах, разрушенные города, заросшие трассы, леса, реки, силуэты животных. Мир был живым — и именно это делало его опасным. Если бы поверхность оставалась окончательно мёртвой, ею было бы проще управлять хотя бы в рассказах.

— Эта группа сможет найти беглецов? — спросил другой советник.

— Это их работа.

Экран сменился. Появилось название: Команда «Вектор».

Отец Максима заговорил впервые:

— Когда они смогут выйти?

— Через несколько часов.

Он кивнул, но в этот момент в зал вошёл архивист — человек незаметный, обычно почти невидимый рядом с Советом. Сейчас он выглядел взволнованным, почти напуганным.

— Простите... мы проверяли старые записи.

Один из советников раздражённо поморщился.

— Сейчас не время.

— Это касается девочки. Лизы.

Тишина вернулась мгновенно.

Отец Максима поднял глаза.

— Что именно?

Архивист сглотнул.

— Дело её отца. Учёного Артёма Волкова.

— Он умер четырнадцать лет назад, — холодно бросил отец Максима.

Архивист медленно покачал головой.

— Нет.

Он положил на стол старый файл.

— Судя по архивам, он не умер. Четырнадцать лет назад он покинул бункер через один из старых выходов.

На этот раз молчание стало тяжёлым.

— Он сбежал? — спросил кто-то.

— Да.

— Значит... — начал один из советников.

— Он может быть жив, — закончил архивист.

Отец Максима медленно поднялся. Его голос стал ещё холоднее, но за этой холодностью теперь слышалось не только раздражение, а нечто более опасное — личная тревога.

— Тогда всё становится серьёзнее, чем я предполагал.

Он посмотрел на начальника службы безопасности.

— Отправляйте разведывательную группу, пусть они найдут их и если отец девочки действительно жив... — он сделал короткую паузу, — мы должны узнать, что он там построил.

Глубоко в одном из закрытых секторов бункера, там, куда редко спускались даже сотрудники, находилась изолированная комната допросов. Свет здесь был слишком белым и ровным, словно помещение существовало не для разговоров, а для выжигания из человека всего лишнего. За металлическим столом сидел доктор Сергеев. Он был жив.

Лицо его выглядело уставшим, но не сломленным. Во взгляде не было ни истерики, ни покорности — только ясность, от которой людям системы обычно становилось не по себе.

На против стоял мужчина в тёмной форме с нашивками разведывательной группы это был Капитан.

Он не спешил задавать вопросы. Некоторое время просто смотрел на Сергеева, словно пытался понять, кто перед ним: идеалист, предатель, старик, решивший умереть красиво, или кто-то опаснее.

— Вы знали, что они планируют побег, — сказал он наконец.

Сергеев чуть улыбнулся.

— Догадывался.

Капитан кивнул. Будто именно такой ответ и ожидал.

— И всё равно помогли.

— Я помог не им, — спокойно ответил Сергеев. — Я помог правде.

Капитан слегка нахмурился, но не от злости, а скорее от усталости.

— Правда... — повторил он тихо. — Любопытное слово. Особенно в местах, где за неё обычно умирают другие.

Он сделал шаг ближе.

— Вы понимаете, что из-за этой правды может начаться?

Сергеев молчал.

— Паника. Бунты. Разделение. Смерти, — продолжил капитан. — Люди, которые никогда не видели поверхности, рванут туда не потому, что готовы, а потому, что захотят перестать бояться. А желание — плохая замена знанию.

Сергеев смотрел на него спокойно.

— Люди имеют право знать, что мир не закончился.

Капитан замолчал. На этот раз надолго. Внутри него явно шло столкновение не между приказом и чувствами — это было бы слишком просто, — а между двумя видами правоты. Он уже не говорил языком Совета, но и не был готов говорить языком Сергеева.

— А вы уверены, что они готовы? — спросил он уже тише. — Вы были наверху?

Сергеев покачал головой.

— Нет.

— А я был, — сказал капитан.

И впервые в его голосе прозвучало что-то личное. Не исповедь, а память.

— Там не просто жизнь. Там борьба. Там голод, болезни, чужие общины, старые заражённые зоны, звери, которых не было в ваших отчётах, и люди, которые уже давно не верят в чужую доброту.

Он посмотрел прямо на Сергеева.

— Мы держим их здесь не только потому, что кто-то любит власть. Мы держим их здесь еще и потому, что наверху умирают не по графику и не по правилам.

Сергеев чуть наклонился вперёд.

— А ещё потому, что контроль гораздо удобнее риска.

Капитан не ответил сразу. Его лицо осталось спокойным, но взгляд стал жёстче.

— Возможно, — сказал он. — Но хаос никогда не бывает гуманнее контроля. Просто выглядит честнее.

Это уже был его собственный голос. Не советника, не исполнителя, не солдата. Человека, который видел поверхность и принёс её внутрь не как мечту, а как тяжёлое знание.

Сергеев долго смотрел на него.

— Тогда почему вы всё ещё здесь?

Вопрос прозвучал тихо, но точно и капитан чуть усмехнулся.

— Потому что кто-то должен возвращаться. — Эта фраза повисла между ними.

Значит, он тоже был не до конца с системой. Или, наоборот, был с ней глубже, чем казалось: не по слепой вере, а по выбору.

— Моя задача — вернуть беглецов, — сказал он наконец. — И не дать бункеру рухнуть раньше времени.

Он сделал короткую паузу.

— Но я не считаю вас врагом.

Это прозвучало неожиданно и Сергеев поднял глаза.

Капитан продолжил:

— Вы сделали то, во что верите. А я сделаю то, во что верю я.

Последняя фраза прозвучала без нажима, без позы, и именно поэтому оказалась тяжёлой. Не угроза. Хуже — убеждённость.

Он развернулся и пошёл к двери.

— Команда «Вектор» уже готовится к выходу.

У самого выхода он остановился, не оборачиваясь.

— И, если мы найдём девочку раньше, чем поверхность поймёт, кто она такая, у неё будет шанс выжить.

Дверь закрылась и только после этого Сергеев смог позволить себе закрыть глаза, потому что понял главное: за Лизой и Максимом отправляли не просто погоню... На них выпускали людей, которые знали поверхность лучше, чем они сами, а значит, настоящая охота только начиналась.

Глава 15

Люди на поверхности

К закату лес стал гуще, а свет — обманчивее. Сначала он мягко ложился между стволами, золотил траву и кору, но чем ниже опускалось солнце, тем труднее было понять, что впереди: открытое пространство или тень, куст или человек. После водопада Лиза и Максим шли осторожнее. Радость не исчезла совсем, но уже не вела их, как в первые часы после выхода. Поверхность слишком быстро показала, что умеет быть разной.

Максим всё чаще останавливался и прислушивался. Каждый звук до сих пор казался ему неестественным именно потому, что был живым: птицы перекликались не по расписанию, ветер менял силу без предупреждения, листья шуршали так, будто кто-то шёл рядом невидимым шагом. Лиза сначала пыталась отделять реальные опасности от его напряжения, но вскоре заметила, что и сама начинает делать то же самое — смотреть не только вперёд, но и по сторонам, и назад.

Побег закончился. Теперь началось неизвестное.

Она резко остановилась.

— Подожди.

Максим мгновенно напрягся, словно внутри него всё это время была натянута одна и та же струна.

— Что?

Лиза указала вперёд. На мягкой земле между корней тянулась тропа — чёткая, утоптанная, слишком ровная, чтобы её протоптали звери. Максим присел, провёл ладонью по земле, посмотрел на вдавленные следы.

— Это не животные, — сказал он после короткой паузы.

Лиза кивнула, но голос её прозвучал тише, чем она ожидала:

— Люди...

Они переглянулись. Несколько секунд никто не говорил. До этой минуты другие люди на поверхности оставались почти абстракцией — словами из лабораторных файлов, частью скрытой правды, но не частью их пути. Теперь правда лежала у них под ногами, вдавленная в землю.

— Значит, они правда есть, — выдохнула Лиза.

— Есть, — сказал грубый хрипловатый голос у них за спиной.

Они резко обернулись.

В нескольких метрах стоял мужчина. Высокий, крепкий, с густой бородой и тёмной, обветренной кожей. В лице его не было той осторожной закрытости, к которой они привыкли в бункере; он выглядел не расслабленным, а собранным как-то по-другому — как человек, который давно научился жить без стен и поэтому не тратит силы на лишние движения. На плече висела старая винтовка, не выставленная напоказ, а привычная, как инструмент. Одежда была простой и крепкой: плотная куртка, потёртые штаны, высокие ботинки. На поясе — нож и небольшая сумка.

Максим сразу шагнул вперёд, закрывая Лизу собой.

Мужчина поднял руки.

— Эй-эй спокойно, я вам не враг.

Он сказал это без суеты, почти лениво, но именно такая манера пугала сильнее. Не человек, который оправдывается, а человек, привыкший, что его оценивают быстро и ошибаются редко.

Он внимательно посмотрел на них, задержав взгляд дольше, чем требовала вежливость.

— Вы из бункера. — подытожил мужчина с интересом смотря на ребят.

Лиза и Максим замерли. Максим первым нашёл голос:

— Откуда вы знаете?

Мужчина чуть усмехнулся.

— По вам видно. Вы смотрите не на лес, а на каждый звук в лесу. Так смотрят те, кто вырос под потолком.

В этих словах не было насмешки. Только наблюдение. И именно от этого они прозвучали правдиво.

Лиза осторожно спросила:

— Кто вы?

Он чуть склонил голову, будто примеряя ответ.

— Для начала — человек, который не хочет разговаривать с вами посреди тропы. А если проще — один из тех, кто здесь живёт.

Максим не отступил.

— Здесь правда есть поселения?

— Мальчик, — спокойно сказал незнакомец, — здесь есть люди, которые родились уже после катастрофы и ни разу в жизни не видели бункер. Так что да. Здесь есть не только поселения.

Максим едва заметно поморщился на слове мальчик, но промолчал. Лиза почувствовала, как в нём сразу включилось знакомое сопротивление: когда на него давили сверху, он не спорил — он холодел и закрывался.

Незнакомец перевёл взгляд на Лизу, и в следующую секунду что-то в его лице изменилось. Не резко — почти незаметно, но достаточно, чтобы она сама невольно коснулась шеи. Его взгляд остановился на кулоне и он сделал шаг ближе, уже без прежней лёгкости.

— Подожди.

Лиза инстинктивно сжала кулон в ладони. Мужчина смотрел не на её лицо, а именно на металл, на форму, на старую царапину у края. Взгляд у него стал таким, будто он увидел не вещь, а знак, который давно перестал надеяться встретить.

— Я знаю это, — сказал он тише.

Потом поднял глаза.

— Как тебя зовут?

— Лиза.

Он будто проверил это имя внутри себя, а потом спросил ещё тише:

— Лиза... Волкова?

Она кивнула.

И в тот же миг внутри неё что-то оборвалось. Имя прозвучало не как догадка, не как осторожный вопрос, а как подтверждение давно известного. Сердце резко ударило в грудь и сбилось. Воздух стал плотнее, словно лес вдруг приблизился.

Мужчина медленно выдохнул.

— Значит, всё-таки получилось. — С одобрительной и одновременно спокойной улыбкой произнес он.

Максим нахмурился.

— Что именно получилось?

Незнакомец посмотрел на Лизу уже иначе — не как на беглеца, а как на человека, которого он, возможно, много лет знал.

— Твой отец не просто ушёл из бункера, — сказал он. — Он много лет следил за тем, что там происходит.

Лиза не сразу ответила. Слова были простыми, но за ними открывалась такая глубина, что сознание сопротивлялось.

— Как? — спросила она наконец.

— У него там остались люди, — ответил мужчина. — Не много. Те, кому он доверял. Они передавали ему новости, слухи, иногда документы. Редко. Осторожно. Но достаточно, чтобы он знал главное.

Лиза молчала. В голове слишком быстро начали складываться обрывки: взгляд Сергеева, странные паузы в разговорах взрослых, кулон, который ей велели не снимать, то, как в бункере некоторые вещи словно всегда были готовы к её вопросу раньше, чем сам вопрос появлялся.

— Он... знал обо мне? — спросила она так тихо, что последние слова почти сорвались.

Мужчина кивнул.

— Конечно. Он знал, что ты растёшь. Знал, что тебя держат подальше от некоторых уровней. Знал, что ты носишь этот кулон.

Лиза сжала его так сильно, что металл впился в кожу. Пальцы задрожали, но она не разжала руку.

— Почему он не забрал меня? — спросила она и слёзы завиднелись на её глазах.

И вот теперь в голосе прозвучало не только потрясение. Там была старая боль, которая мгновенно нашла себе новую форму. Если он жив — значит, всё это время он не был рядом не потому, что не мог из-за смерти, а потому, что не мог вернуться живым.

Мужчина отвёл взгляд к темнеющему небу.

— Потому что четырнадцать лет назад поверхность была другой, — сказал он. — И выжить ребёнку здесь было бы почти невозможно.

Максим, до этого державшийся сухо, спросил резко:

— А сейчас возможно?

Незнакомец посмотрел на него прямо.

— Возможно — не значит легко.

Эта фраза прозвучала так спокойно, что спорить с ней было невозможно.

Мужчина снова повернулся к Лизе.

— Он всегда говорил, что однажды ты найдёшь дорогу сама. И что лучше встретить тебя живой позже, чем потерять слишком рано.

Лиза ничего не ответила. Внутри неё сталкивались сразу несколько чувств, и ни одно не было простым. Старое знание — он умер. Новое, почти невыносимое — он, возможно, жив. И третье, самое трудное: если он жив, значит, у него были причины не приходить. Надежда поднималась резко, почти болезненно, но вместе с ней — злость. И эта злость делала надежду реальнее, а не слабее.

— Значит... он жив? — спросила она.

Мужчина не сказал «да». Но и не сказал «нет».

— Возможно.

И этого оказалось достаточно, чтобы мир снова качнулся.

Лиза почувствовала, как всё прежнее начинает перестраиваться прямо на ходу: не рушиться, как в лаборатории, а смещаться, открывая за собой то, о чём она раньше не могла даже думать.

Максим сказал негромко, почти себе:

— Похоже, твой отец всегда умел оставлять после себя недоговорённости.

Это была его манера — не уходить в чувство до конца, если можно удержаться за сухую фразу. Но Лиза слышала под ней и другое: он тоже потрясён. Просто прячет это не молчанием, а жёсткостью.

Незнакомец посмотрел на них обоих.

— Если хотите продолжать этот разговор, не стоит делать это посреди леса. До темноты осталось меньше часа.

Максим мгновенно насторожился.

— И куда вы нас поведёте?

— В поселение.

— А если это ловушка?

Мужчина усмехнулся, но без злости.

— Если бы я хотел сделать из вас трупы, мы бы уже не разговаривали. Лес не любит тех, кто шумит и не знает, куда идёт.

Максим не опустил взгляда.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты сейчас получишь, — спокойно сказал тот. — Хочешь — идёшь. Не хочешь — ночуешь здесь и проверяешь, кто доберётся до вас первым: мои люди, ваши преследователи или сама поверхность.

Вот это уже был не намёк, а выбор. И именно поэтому Лиза ему поверила больше, чем если бы он начал убеждать и успокаивать.

Она посмотрела на Максима.

— Нам всё равно нужен кто-то, кто знает местность.

Максим помолчал, затем коротко кивнул. Он не доверял незнакомцу, и правильно делал. Но в его логике уже появилась новая, жёсткая трезвость: на поверхности выживает не тот, кто уверен, а тот, кто умеет считать риски быстрее страха.

— Хорошо, — сказал он. — Идём. Но вы идёте впереди.

— Разумно, — ответил мужчина.

Он развернулся.

— Тогда за мной.

Они шли почти час.

Сначала — через лес, где сумерки сгущались быстрее, чем им казалось. Потом через широкую долину, где трава стала ниже, а земля — ровнее и плотнее. Мир вокруг постепенно менялся. Сначала появились огороды, будто выросшие прямо из дикой земли; потом — аккуратно расчищенные участки, ряды кустов, деревянные ограды. Чуть дальше паслись козы. Не дикие — домашние, настороженно вскидывающие головы при звуке шагов.

Максим невольно замедлился.

— Это... фермы?

— Да, — сказал мужчина. — Мы выращиваем еду сами. Ещё охотимся. Собираем. Меняемся с соседями. Иногда теряем урожай. Иногда людей.

Последнюю фразу он произнёс так же ровно, как и всё остальное. И от этого поселение, которое уже начинало казаться Лизе почти чудом, сразу перестало быть идиллией.

Они поднялись на невысокий холм.

— Смотрите, — сказал мужчина.

Лиза и Максим сделали ещё несколько шагов — и замерли.

Внизу раскинулось поселение.

Не большой город, не сказочный новый мир, а живая, собранная из упрямства человеческая работа. Несколько десятков домов — деревянных, каменных, местами собранных из старого металла и того, что удалось спасти. Между ними тянулись тропинки. В центре горел костёр, вокруг которого сидели люди: кто-то готовил еду, кто-то чинил инструменты, кто-то молча слушал других. Дети бегали по площади, и их смех действительно звучал свободнее, чем в бункере, но не беспечно. Чуть в стороне лаяли собаки. Из мастерской доносился звон металла. Рядом текла река, и через неё были перекинута маленькие мосты. Дальше виднелись поля.

Максим смотрел долго, не моргая.

— Это не лагерь, — сказал он. — Это уже почти город.

Мужчина качнул головой.

— Пока только поселение. Но да, мы здесь не прячемся на одну ночь.

Лиза не могла оторвать взгляд. Её поразило не то, что люди здесь живут, а то, как они живут: не в остатках прошлого, а в попытке построить новое из всего, что уцелело. И всё же она сразу заметила то, что сделало эту картину тяжелее: у костра сидели вооружённые люди; на краю поселения виднелись дозорные; некоторые дома были укреплены так, будто ждали не только зимы, но и нападения.

Свобода здесь явно стояла дорого.

— Они живут здесь... без Совета, — сказала она.

— Да, — ответил мужчина. — Но не без правил.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— И не без страха.

Эти слова легли куда точнее, чем любое торжественное «добро пожаловать».

Лиза повернулась к нему.

— Мой отец здесь?

На этот раз она спросила без прежней дрожи. Надежда никуда не делась, но стала жёстче. Уже не мечтой, а требованием к реальности.

Мужчина немного помолчал.

— Возможно.

Максим тихо выдохнул, явно раздражённый этим словом.

— Вы всё время так отвечаете?

— Когда не хочу соврать раньше времени — да.

Это был не уклончивый ответ, а осторожность человека, привыкшего, что правда может убивать не хуже лжи, если открыть её без меры.

Он снова посмотрел вниз, на поселение.

— Сначала вас должны увидеть люди. Понять, кто вы. А вы понять, куда пришли.

Потом кивнул в сторону домов.

— Идёмте. Ночь здесь наступает быстро. А после темноты вопросы начинают задавать уже не только люди.

Лиза ещё раз посмотрела на поселение, на огни, на реку, на дома, на фигурки у костра. Перед ней был не новый мир, который ждал их с распростёртыми объятиями, а мир, который выжил без них — и теперь не обязан был сразу их принять.

И всё же именно туда вела её последняя нить. К отцу. К правде. К тому, что окажется между ними, она шагнула вперёд первой.

Именно в этот момент она поняла: снаружи их ждали не ответы — их ждали чужие правила.

Глава 16

История Артёма

К вечеру в поселении зажгли костры. Ночь здесь приходила иначе, чем в бункере: не по щелчку системы, не по выключателю, а медленно, как живая сила, которая сначала вытягивает краски из земли, потом углубляет тени, а затем поднимает над домами холодное, бездонное небо. Лиза всё ещё не могла привыкнуть к этому ощущению открытого пространства. Иногда ей казалось, что звёзды не висят высоко, а смотрят прямо на неё — слишком внимательно и слишком молча.

Они сидели у большого костра: Лиза, Максим и мужчина, который привёл их в поселение. Теперь она знала его имя — Илья. Огонь потрескивал, искры взлетали вверх и терялись в темноте, но вокруг этого тепла не было беспечности. Люди разговаривали, кто-то готовил еду, кто-то чинил ремни и лезвия, кто-то смеялся, но даже смех здесь звучал иначе, чем она представляла себе свободу раньше. Не легко, а заслуженно.

Их рассматривали... Не грубо, не враждебно, но внимательно. Лиза чувствовала на себе эти взгляды почти физически: осторожные, любопытные, иногда недоверчивые. Для поселения они были не просто новыми людьми, а людьми изнутри той закрытой, мифической системы, о которой здесь, должно быть, говорили годами. И если для неё поверхность всё ещё оставалась чудом, то для этих людей бункер, возможно, был не меньше чудовищем, чем убежищем.

Чуть не по далеку сидел парень с перевязанной рукой. Он не вмешивался в разговор, но всё время следил за ними с тем напряжённым спокойствием, которое бывает у тех, кто привык сначала оценивать опасность и только потом говорить. Рядом женщина качала ребёнка; малыш, не отрываясь, смотрел на Лизу так пристально, будто чувствовал в ней нечто, чего она сама пока не понимала. На краю света, очерченного костром, мелькали чужие лица, и в каждом читалось одно и то же: кто вы и что принесёте с собой?

Илья протянул им металлические кружки.

— Пейте, — сказал он. — Не отравлено.

Это было сказано сухо, почти лениво, в манере присущей Илье с самого начал их знакомства, но уголки его рта дрогнули. Юмор у него был жёсткий, без желания понравиться. Максим заметил это и только хмыкнул. Он сделал глоток, поморщился от горечи трав и сразу спросил, не обходя тему:

— Ты правда знал её отца?

Илья кивнул. Без важности, без позы. Как человек, у которого память весит больше слов.

— Знал. Очень хорошо.

Он посмотрел в огонь, будто оттуда было легче доставать прошлое.

— Я родился здесь, на поверхности. Всю жизнь прожил под этим небом. Но не думайте, что это означает свободу с самого начала. Сейчас вы видите поселение, огонь, дома. Раньше всё выглядело иначе.

Он поднял взгляд на них, и голос его стал чуть жёстче:

— Раньше люди здесь убивали друг друга за воду, за еду, за место у костра. Не потому, что были чудовищами, а потому, что очень быстро забывали, как ещё можно жить. Не было ни правил, ни доверия. Только страх, усталость и желание дожить до утра.

У костра кто-то тихо усмехнулся — не от веселья, а от узнавания. Парень с перевязанной рукой отвёл взгляд. Женщина с ребёнком поправила одеяло, не поднимая головы. Это было не рассказом для впечатления. Это была общая память.

Максим нахмурился.

— А радиация?

— Была, — многозначительно ответил Илья. — Сильнее, чем сейчас. Но не она оказалась главной проблемой.

Он сказал это спокойно, и именно поэтому фраза прозвучала тяжело.

— Самой опасной вещью были люди.

На этот раз никто даже не усмехнулся.

— Тёмные зоны тоже были, — продолжил он. — И есть. Земля не стала доброй только потому, что на ней снова выросла трава. Мы учились обходить опасные места, учились читать ветер, почву, воду. Мир не стал безопасным. Мы просто перестали ждать, что кто-то сделает его таким за нас.

Максим слушал молча. Лиза заметила, как изменилось его лицо: наружный скепсис остался, но теперь под ним появилась работа мысли. Он всегда охотнее доверял не красивым словам, а жёсткой логике. Илья, кажется, это чувствовал и потому говорил именно так — без утешения, без легенды.

Потом он перевёл взгляд на Лизу.

— Твоего отца я встретил четырнадцать лет назад. И первое, что подумал: либо гений, либо человек, у которого совсем нет страха.

— Ну или просто сумасшедший, — бросил с ироничной улыбкой парень с перевязанной рукой.

У костра негромко засмеялись.

— Да, — кивнул Илья. — Именно так я и подумал.

Лиза чуть подалась вперёд.

— Почему?

— Потому что он пришёл к людям, которые едва удерживали друг друга от резни, и начал объяснять им, что они живут неправильно.

На этот раз усмешек стало больше, но и в них не было злости. Скорее признание того, насколько невозможным это тогда казалось.

— Мы чуть не избили его в первый же день, — сказал Илья. — Но он, к нашему счастью, оказался упрямее большинства из нас.

— Приятно слышать, — тихо сказала Лиза.

Илья скользнул по ней взглядом.

— Вот здесь я начинаю понимать, чья ты дочь.

Даже Максим на это чуть заметно усмехнулся.

— Я решил проверить Волкова, — продолжил Илья. — Не словами. Дал ему задачу, от которой любой чужак или сбежал бы, или погиб. Отправил в опасную зону за водой и образцами почвы. Думал: если вернётся — поговорим. Если нет — мир сам даст ответ.

Он замолчал. В огне с треском лопнула ветка.

— Он вернулся, — тихо сказала Лиза.

— Вернулся, — подтвердил Илья. — С водой. С образцами. И с планом, как сделать так, чтобы завтра нам не пришлось опять драться за ведро.

Он говорил об этом почти сухо, но Лиза уловила под этой сдержанностью уважение — то глубокое уважение, которое остаётся только к тем, кто однажды доказал цену своих слов делом. — и был прав, — сказал Илья.

Потом покачал головой.

— Но это не значит, что с ним было легко.

У костра кто-то тихо усмехнулся.

— Он приходил и говорил, что мы живём неправильно, не потому, что хотел нас унижить, а потому что видел дальше.

— И это всех бесило, — уже с более тёплой улыбкой добавил парень с перевязанной рукой.

— Он заставлял нас менять то, что хоть как-то работало, — продолжил Илья. — А менять — значит рисковать.

Он посмотрел на Лизу.

— Один раз из-за него мы пошли в место, куда раньше не ходили.

Потеряли двоих.

Тишина у костра стала другой.

— И всё равно... — он чуть сжал губы, — если бы не он, нас бы здесь не было.

— Он не был удобным человеком, но он был правильным. — Заговорила женщина с ребёнком.

Голос у неё был тихий, но твёрдый. Лиза впервые посмотрела на неё внимательнее: не старая, но в лице уже осела та усталость, которая не проходит целиком. Здесь у каждого, кажется, была своя цена за выживание.

Илья кивнул.

— Он помог людям перестать быть просто толпой. Не сделал из нас святых, не спас от всего, но научил договариваться, делить воду, строить склады, смотреть дальше завтрашнего дня. Он верил, что мы можем жить не только из-за страха.

Максим задумчиво спросил:

— Значит, он изменил всё?

Илья покачал головой.

— Нет, он дал шанс всё изменить, а это не одно и то же.

Эта фраза повисла в воздухе дольше остальных. Лиза почувствовала, как что-то внутри неё снова сдвигается. До этой минуты отец существовал для неё то как тень, то как тайна, то как обещание. Теперь он понемногу становился человеком — трудным, упрямым, живым, способным раздражать и вести за собой.

Она крепче обхватила кружку.

— Он говорил обо мне?

— Постоянно, — ответил Илья без колебаний.

И вот это ударило сильнее всего.

Не иногда вспоминал, а постоянно думал и говорил о ней.

— Он говорил, что у него есть дочь, — продолжил Илья уже мягче. — И что однажды она увидит этот мир. И что, скорее всего, будет настолько упрямой, что сама создаст себе проблем больше, чем любая радиация.

Максим тихо хмыкнул.

— Звучит похоже.

Обычно на такую реплику Лиза сразу бы ответила, но сейчас промолчала. В горле стало тесно. Она смотрела в огонь и пыталась удержать внутри два чувства одновременно: горечь от того, что отец был не рядом, и почти болезненное облегчение от того, что он всё это время всё-таки думал о ней.

Илья, словно чувствуя, что это слова доставляют ей боль сильнее всего, заговорил медленнее:

— Когда твоя мать была беременна, он не собирался уходить навсегда. Он хотел доказать правду и вернуться. Но очень быстро понял: если останется, Совет не даст ему закончить работу. Его не просто заставили бы молчать. Его сделали бы примером для других.

Лиза подняла глаза и многозначительно произнесла с пониманием в голосе:

— То есть он ушёл не потому, что выбрал нас бросить...

Илья выдержал её взгляд.

— Он ушёл потому, что у него не осталось безопасного выбора. И, возможно, потому, что слишком верил: позже успеет исправить цену этого решения.

Это было уже сложнее, чем просто оправдание и именно потому честнее.

В этот момент к костру подошли ещё люди. Высокий мужчина с седыми волосами остановился сбоку, заложив большие пальцы за ремень.

— Илья, ты кого притащил?

Голос у него был спокойный, но с той врождённой властью, которая не требует повышения тона. Лиза сразу почувствовала: к этому человеку здесь прислушиваются.

— Думаю, тебе стоит это услышать, — сказал Илья. — Это дочь Артёма.

Мужчина застыл на долю секунды.

— Волкова?

— Да.

Он посмотрел на Лизу долгим, прямым взглядом, потом медленно кивнул.

— Тогда добро пожаловать. Я Михаил.

Он сел рядом — уверенно, но без демонстрации силы. В его движениях было что-то собранное, почти военное, хотя одет он был как остальные. Человек, который привык принимать решения и не слишком любит объяснять их заранее.

Следом подошла женщина. В её походке была мягкость, но не слабость; наоборот, Лиза сразу уловила в ней ту внутреннюю дисциплину, которая бывает у людей, переживших слишком многое и научившихся не расплескивать себя понапрасну.

— Что происходит? — спросила она.

— Нашёлся человек, которого Артём ждал, — ответил Михаил.

Женщина посмотрела на Лизу, и в её лице что-то изменилось почти мгновенно. Не удивление. Скорее узнавание сквозь годы.

— Ты его дочь?

— Да.

— Я Изабелла, — сказала она. — Твой отец часто говорил о тебе.

Сердце Лизы снова сбилось. Но теперь дело было не только в словах. В самой Изабелле было что-то странное, слишком личное для простой памяти о товарище. Короткий взгляд Михаила в её сторону подтвердил это почти незаметно: между ними прошло какое-то молчаливое напряжение, давно им знакомое.

Максим тоже это заметил. Лиза увидела, как он чуть сузил глаза. В нём вообще быстро включалась настороженность, когда в комнате появлялось то, что не договаривали вслух.

— Значит, вы все его знали? — спросил он.

— Он помог нам выжить, — ответил Михаил. — Когда он пришёл, здесь было несколько семей, палатки, страх и беспорядок.

— И голод, — тихо добавила женщина у костра.

— И глупость, — бросил парень с перевязанной рукой.

— И недоверие, — сказала Изабелла. — Мы всё время ждали, что следующий удар будет последним.

Михаил кивнул.

— Волков помог наладить воду, разобраться с землёй, вычислить безопасные маршруты, понять, где можно строить, а где нельзя. Но главное — он всё время заставлял людей думать не только о себе.

Лиза слушала и чувствовала, как внутри неё собирается странное, почти невыносимое целое: её отец был и мифом, и человеком, и чьей-то утратой, и чьей-то надеждой. Не только её.

Она спросила:

— А где он сейчас?

И вот тут костёр будто притих.

— Он ушёл. — сказал Михаил.

Лиза резко подняла голову.

— Ушёл?

— Да, несколько лет назад, — ответила Изабелла мягче, чем ей хотелось слышать.

— На север, — добавил Илья. — Искать другие поселения. И заодно изучать тёмные зоны.

— Зачем? — спросила Лиза. В голосе уже зазвенело раздражение. Её начинали утомлять ответы, в которых правды ровно столько, чтобы не сорваться на ложь, но недостаточно, чтобы опереться.

— Потому что он был Артёмом, — сухо сказал Михаил. — А такие люди редко умеют остановиться, когда понимают, что можно узнать ещё больше.

Это прозвучало одновременно и как уважение, и как упрёк.

— Значит, он не вернулся, — сказала Лиза.

— Он обещал вернуться, — тихо сказала Изабелла.

Лиза сразу повернулась к Илье.

— Тогда зачем ты сказал, что он может быть здесь?

Теперь тишина стала острой.

Илья не отвёл взгляда.

— Потому что если бы я сказал тебе всё сразу в лесу, ты бы услышала только одно: “его нет”. И не увидела бы, что он здесь всё равно остался.

Он кивнул на дома, на людей, на костры, на поля, на воду, которую кто-то нёс в бочках.

— Это его след. Его выбор. Часть того, ради чего он тогда ушёл.

Это был сильный ответ. И всё же он не снимал боли.

Лиза почувствовала злость — уже не детскую, прямую, тяжёлую, взрослую. На отца. На Илью. На всю эту правду, которая постоянно оказывалась устроена сложнее, чем ей хотелось бы.

— Но одну вещь мы знаем точно, — сказал Илья после паузы.

— Какую? — спросила она.

— Он думал о тебе.

Михаил отвернулся к огню. Изабелла смотрела на Лизу слишком внимательно, словно не просто сочувствовала ей, а видела в ней чью-то прежнюю боль.

— Он часто сидел у костра и рассказывал о своей дочери, — продолжил Илья. — Иногда так, будто убеждал не нас, а самого себя, что однажды успеет всё исправить.

Это уже больше звучало как правда которую могла принять Лиза. В этой правде он не был идеальным отцом из легенды, он был человеком, который совершил выбор и потом жил каждый день с последствиями этого выбора.

Она спросила:

— Что именно он говорил?

Изабелла улыбнулась, и улыбка эта была слишком живой, чтобы быть только дружеской памятью.

— Что она вырастет смелее, чем ему хотелось бы, — сказала она.

— И упрямее, что не совсем безопасно, — добавил Илья.

Даже Михаил на это едва заметно усмехнулся.

— И что сама найдёт дорогу на поверхность, — тихо сказал Илья, глядя Лизе прямо в лицо.

Потом, помолчав, добавил:

— Похоже, в этом он не ошибся.

Лиза не ответила.

В небе над поселением горели звёзды. Вокруг шумела чужая жизнь, в которой уже было место её отцу, но пока ещё не было места ей. И всё же впервые с тех пор, как они вышли наружу, поверхность перестала быть просто огромным, пугающим миром. Она стала историей, в которую она уже была вплетена — задолго до того, как сама это поняла.

Только вот эта история, похоже, не собиралась отдавать ей ответы быстро и от этого становилась ещё опаснее.

Глава 17

Люди поселения

Ночь в поселении стала глубже и тише, но не пустой. Костёр уже не вспыхивал яркими языками, а горел ровно, тяжело, будто работал, а не просто давал свет. Вокруг него люди постепенно расходились: кто-то уводил детей, кто-то забирал посуду, кто-то оставался сидеть у огня, потому что в этом мире темнота за пределами круга света всё ещё значила слишком многое. Здесь не любили лишнего шума, но и к тишине не относились беспечно. Она могла быть отдыхом. А могла — предупреждением.

Лиза сидела чуть в стороне, завернувшись в грубое одеяло, которое ей дали на вечер. Ткань пахла дымом, травами и чьим-то домом. Всё вокруг казалось настоящим до болезненности: огонь был горячим, воздух — холодным, земля — неровной, звёзды — слишком огромными. Но вместе с этим пришло новое, неприятное чувство. Она больше не смотрела на поселение как на доказательство свободы. Теперь оно всё яснее выглядело как место, которое выжило дорогой ценой и потому не спешит никому доверять.

Максим сидел ближе к костру и разговаривал с Михаилом. Тот, как и раньше, говорил спокойно, негромко, но в его голосе было то, что Лиза уже начинала различать: не мягкость, а привычка к ответственности. Такие люди не повышают тон, потому что им не нужно. Михаил чертил что-то на земле концом ножа — линии, повороты, обозначения высот. Максим слушал внимательно, задавал короткие точные вопросы, иногда спорил, но без подростковой резкости. Он менялся у неё на глазах: всё чаще звучал не как мальчишка, который бежит рядом, а как человек, которому приходится быстро взрослеть, потому что назад уже не отступить.

Над ними молча стоял Илья. Он почти не вмешивался, только иногда коротко кивал и один раз тихо сказал: «Нет, туда не ходят после дождя». И Михаил сразу стёр часть схемы и провёл другую линию. Лиза отметила это почти машинально. Значит, здесь у каждого свой вес. Михаил держит людей. Илья — местность. Оба не спорят за власть, потому что давно поделили между собой то, за что отвечают.

Чуть по дальше женщина, укачивающая ребёнка, время от времени смотрела на Лизу — не настороженно, но оценивающе, как смотрят на привезённый издалека предмет, который может оказаться полезным, опасным или хрупким. Рядом сидел парень с перевязанной рукой

чинил ремень, делая вид, что полностью занят делом, хотя несколько раз уже слишком вовремя поднимал глаза в сторону Максима. Лиза всё яснее понимала: здесь никто не расслабляется до конца. Даже у костра.

Рядом с ней тихо опустилась Изабелла, она не заговорила сразу. Сначала протянула ладони к огню, потом поправила рукава тёмной куртки и лишь после этого сказала:

— Тебе пока трудно дышать этим пространством, да?

Голос у неё был мягкий, но не расплывчатый. Она говорила не для того, чтобы утешить. Скорее чтобы назвать вещь точным именем.

Лиза кивнула.

— Всё слишком большое. И как будто... без защиты.

— Так и есть, — ответила Изабелла. — Здесь ничто не держит тебя вместо тебя самой.

Эта фраза прозвучала спокойно, но Лиза уловила в ней что-то жёсткое. Не романтику свободы, а её цену.

Немного помолчав, она спросила:

— Вы знали моего отца близко?

Изабелла слегка поёжилась и ответ пришёл не сразу. Она провела большим пальцем по краю кружки, будто собирая не слова, а степень откровенности, на которую готова сейчас пойти.

— Я встретила его восемь лет назад, — сказала она наконец. — Тогда здесь уже было меньше хаоса, чем вначале, но до порядка было ещё далеко. Любая встреча с чужими могла закончиться кровью. Любой спор — ножом. А он вошёл так, будто заранее решил, что будет разговаривать с людьми, а не с их страхами.

Лиза слушала, не перебивая.

— Это не значит, что его сразу приняли, — продолжила Изабелла. — Наоборот. Он многих раздражал. Слишком много видел. Слишком мало боялся. Слишком часто говорил правду в тот момент, когда всем было удобнее жить в неведение.

Лиза невольно подняла взгляд на Максима. Это звучало почти знакомо. Не как легенда об отце, а как продолжение того конфликта, из которого они сами только что вырвались.

— Он умел оставаться, когда другие отходили, — сказала Изабелла. — В этом была его сила и беда одновременно.

В этих словах было уже не просто уважение. Личное знание.

Лиза решилась спросить прямо:

— Вы были вместе?

Изабелла посмотрела на неё открыто. Без раздражения, без защиты, без попытки отвести вопрос.

— Мы были рядом, — сказала она.

Не «да» и не «нет». Но правдивее прямого ответа.

Лиза отвела глаза к огню. Внутри поднялось сложное чувство, которое она не сразу смогла назвать. Не ревность — у неё не было на это права. Не обида — хотя и она была рядом. Скорее, болезненное столкновение с мыслью, что у её отца существовала настоящая, живая, взрослая жизнь за пределами её ожиданий. Жизнь, где он кому-то принадлежал не как память, а как присутствие.

Изабелла, кажется, это почувствовала.

— Это не значит, что он забыл тебя, — сказала она уже тише.

Лиза почти резко повернулась к ней:

— Все здесь говорят одно и то же.

— Потому что это правда, — ответила Изабелла.

И впервые в её голосе послышалась усталость.

— Но правда редко помогает сразу. Иногда она только делает боль точнее.

Лиза ничего не сказала. Это было слишком похоже на то, что она сама уже начинала понимать...

Именно в этот момент к ним почти подлетел мальчишка лет одиннадцати-двенадцати с пачкой сложенных листов под мышкой. Двигался он быстро, нервно, будто мысли всё время бежали у него на шаг впереди тела.

— Я хотел показать тебе карты, — выпалил он и только потом заметил, что влез без предупреждения. — То есть... если хочешь.

Михаил, услышав его, подошёл ближе.

— Осторожнее, Тимур. Ты её сейчас утопишь в своих маршрутах.

— Я не топлю, — серьёзно ответил мальчишка. — Я объясняю.

Это было сказано таким тоном, что Лиза почти улыбнулась. Не заносчиво. Просто с твёрдой детской уверенностью человека, который точно знает, в чём он нужен.

Он быстро развернул листы. Бумага была плотная, местами залатанная, исписанная линиями, отметками и значками.

— Я Тимур, — сказал он. — Я веду карты.

Не «рисую». Не «люблю». Веду. Как дело. Он ткнул пальцем в один из листов:

— Вот отсюда вы пришли бы, если бы пошли западнее. Тогда упёрлись бы в низину, а там после дождя образуется болото. Здесь безопасные тропы. Здесь — не всегда. А вот сюда вообще нельзя без сопровождения.

— Почему? — спросила Лиза.

Тимур чуть нахмурился, будто вопрос был одновременно и правильным, и недостаточным.

— Потому что там можно пройти один раз и решить, что всё нормально. А на второй раз земля уже поведёт себя иначе.

Лиза всмотрелась в линии.

— Ты сам это всё составлял?

— Не всё. Но многое — сам.

Он сказал это спокойно, без желания похвастаться. Потом добавил, уже чуть тише с какой-то скрытой болью и горечью:

— Я не хочу, чтобы люди пропадали.

Вот теперь голос его изменился. Под этой собранностью обнаружилось нечто очень личное, слишком серьёзное для его возраста. Лиза отметила это раньше, чем успела додумать. Здесь, похоже, у каждого была своя причина делать то, что он делает.

— И поэтому ты слишком часто лезешь туда, куда взрослые не велят, — сухо сказал Илья, подходя ближе.

Тимур мгновенно ошетинился:

— Я не лезу. Я проверяю.

— Это одно и то же, когда тебя потом приходится искать, — отрезал Илья, прищурив глаза.

Михаил усмехнулся, не поднимая головы:

— Но благодаря ему мы знаем, куда не пускать остальных.

Тимур промолчал, но плечи у него расправились. Значит, признание Михаила для него важнее замечаний Ильи. Лиза это тоже запомнила.

— Каждый здесь приносит пользу, — сказал Михаил, обращаясь уже к ней и Максиму. — Вопрос обычно только в том, сколько проблем человек успеваает создать, пока поймёт, в чём именно его польза.

— Это ты сейчас про меня или про него? — спросил Максим.

— Про вас обоих, — невозмутимо ответил Михаил.

Максим коротко хмыкнул. На такую манеру он отзывался лучше, чем на утешение.

В этот момент со стороны темнеющей тропы послышались шаги. Они были лёгкие, ровные, без суеты.

Разговоры у костра почти незаметно стихли. Не оборвались, а именно приутихли, как это бывает, когда в круг света входит кто-то, чьё присутствие автоматически меняет поведение остальных.

Из тьмы вышла женщина, она была высокая, собранная, с луком за спиной и коротким ножом у бедра. Двигалась она так, будто никогда не делала ни одного лишнего жеста в жизни. Ни усталости напоказ, ни желания произвести впечатление. Просто человек, у которого тело давно научено выживать раньше, чем мысль успеет всё оценить.

Илья коротко кивнул:

— Поздно вернулась.

— Работа была, — коротко ответила она.

Голос у неё оказался низким, спокойным и почти лишённым интонации. Не сухим — экономным. Лиза сразу поняла: это человек, который не объясняет себя без необходимости.

Женщина скользнула взглядом по кругу, по Михаилу, по Изабелле, по Максиму — и только потом остановилась на Лизе. Не на долго. Но достаточно, чтобы оценить рост, позу, усталость, руки, одежду, возможный страх. Всё сразу.

— Это она? — спросила она.

— Да, — ответил Михаил.

Женщина перевела взгляд на Максима, потом снова на Лизу.

Словно оценивая.

— Они шли без проводника?

— Да.

Он кивнул один раз.

— Значит, либо очень везучие, либо уже успели сделать пару глупостей.

— Скорее второе, — сухо сказал Максим.

И впервые за вечер кто-то посмотрел на него не как на спутника Лизы, а как на отдельного человека. Лиза не почувствовала в ней тепла. И, странным образом, это успокоило сильнее. Такие люди не обещают защиту словами. Если встанут рядом — значит, уже решили.

Тимур, сам того не замечая, сместился ближе к ней. Она, не глядя, коротко положила ладонь ему на плечо и тут же убрала.

Связь. Привычка. Доверие.

Лиза поймала этот жест и поняла, что в поселении есть целая сеть невидимых нитей, о которых она пока не знает ничего. Кто кому обязан. Кто кого уже спасал. Кто за кого боится. И кто кого, возможно, однажды предал. Без этого поселение казалось ей почти простым. С этим — стало настоящим.

— Это Анна, — негромко сказала Изабелла. — Она водит группы через внешние маршруты.

Анна чуть повернула голову:

— Водила. До завтрашнего утра.

Максим, стоявший ближе всех, спросил:

— Почему до завтрашнего?

Анна посмотрела на него без раздражения, но так, как смотрят на человека, который ещё не знает, что некоторые вопросы лучше не задавать, потому что ответ на них может оказаться слишком неудобным.

— Потому что утром станет ясно, пришли вы к нам одни или за вами уже кто-то идёт.

У костра стало чуть тише. Вот оно то, чего Лиза ждала и одновременно не хотела слышать. Бункер не остался позади, он просто временно исчез из поля зрения.

Максим сразу собрался:

— Вы думаете, нас могли отследить?

— Я думаю, — ответила Анна, — что системы, которые держали вас под землёй четырнадцать лет, вряд ли относятся к потерям спокойно. И если у них есть люди наверху, они уже вышли.

Илья молча кивнул, Михаил перестал чертить на земле, и Лиза почувствовала, как холод пробежал по спине. Не паника, а чувство, которое было похуже. Возвращение причинности. Поверхность перестала быть просто другим миром и снова стала продолжением побега.

— Значит, у нас мало времени? — спросила она.

— Мало, — сказал Михаил, поднимая голову, — с этого момента вы не гости, а фактор риска. Для себя и для нас.

Фраза была жёсткой. Но честной.

Максим не отвёл взгляда и твёрдо спросил:

— Тогда скажите прямо, что нам делать.

Михаил посмотрел на него внимательно, будто именно этого ответа и ждал.

— Для начала — не считать это место спасением. Это не конец пути. Это просто участок, где можно перевести дыхание и понять, кто на самом деле идёт за вами.

Лиза медленно обвела взглядом людей у костра: Илью — с его молчаливой тяжестью; Михаила — с холодной ясностью решений; Тимура — слишком юного, но уже встроенного в общее выживание; Анну — собранную, как натянутая тетива; Изабеллу — мягкую снаружи и сложную внутри; женщину с ребёнком; раненого парня; тёмные дома за пределами света...

Этот мир не был простым. И не был свободой в том виде, в каком она представляла её раньше, но он был настоящим.

А всё настоящее, похоже, сначала проверяет, выдержишь ли ты его, и только потом позволяет остаться.

Глава 18

Охотник

В бункере стояла та особая тишина, которая бывает не от покоя, а от сдержанного страха. Коридоры оставались чистыми, свет — ровным, механизмы работали-как всегда, но привычный порядок больше не успокаивал. Он только подчёркивал разлом. Охрана ходила чаще обычного, патрули сменяли друг друга почти без пауз, люди разговаривали вполголоса и слишком быстро замолкали, когда рядом кто-то появлялся. Новость о побеге уже просочилась наверх и вниз, исказилась в пересказах, но сути не потеряла: ушли двое подростков. Один — сын Совета. Вторая — дочь человека, которого Совет предпочитал считать прошлым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.